

 HARLEQUIN.

СЪЮЗЕН ВИГГС

ВОЗВРАЩЕНИЕ

NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

Сьюзен Виггс
Возвращение
Серия «Romance – Harlequin»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567877
Возвращение: роман: ЗАО Издательство Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03785-5

Аннотация

София Беллами занимает весьма важный пост в Международном суде. От качества ее работы зависят жизни многих людей. Выполняя свой долг, быть может, слишком самозабвенно, она не заметила, как разрушился ее брак. Дети предпочли жить с отцом, бывший муж создает новую семью. С грустью она размышляет о том, что в день ее торжества, когда ей вручают высокую награду во Дворце мира в Гааге, рядом с ней нет никого из близких. Неожиданные и страшные события, произошедшие во время церемонии, заставляют ее по-новому взглянуть на свою жизнь. Она оставляет пост в суде и возвращается в Авалон к детям в надежде, что еще не поздно стать для них настоящей матерью, не подозревая, что у нее появится и шанс стать счастливой женщиной...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	5
Часть вторая	16
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Часть третья	42
Глава 6	43
Часть четвертая	47
Глава 7	48
Часть пятая	56
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сьюзен Виггс Возвращение

Часть первая Февраль

Озерный эффект

Зимой, когда на территории Северной Америки господствует холодный арктический воздух, над озерами дуют шквалистые ветры, которые могут явиться причиной сильных снегопадов на сравнительно небольшой площади. И зачастую в одном районе идет снег, а в другом ярко светит солнце.

Глава 1

Авалон, округ Ольстер, штат Нью-Йорк Ной Шепард крутил ручку настройки радиоприемника в своем грузовике, но по всем радиостанциям беспрестанно передавали одно и то же – предупреждение Национальной метеорологической службы о надвигающейся снежной буре в связи с озерным эффектом. Власти призывали людей оставаться дома, не загружать дорогу личным транспортом, чтобы не мешать автомобилям аварийных служб. Аэропорт закрыли час назад. Даже тяжелая снегоочистительная техника с трудом продвигалась по магистралям округа. В такую погоду на улицы отваживались выйти лишь безумцы и дураки.

Поправка: безумцы, дураки и ветеринары. Ной отчаянно желал бы, чтобы стеклоочистители его грузовика работали быстрее. Снегопад был таким сильным, что впереди виднелась лишь сплошная белая стена. Ной едва различал, едет он все еще по шоссе или уже нет.

Как гласит легенда, во время снегопада, вызванного озерным эффектом, случаются чудеса. Ной был полностью с этим согласен. Будет настоящим чудом, если он выживет в такую непогоду.

Приняв жеребенка Осмондов, он должен был уступить уговорам хозяев, остаться у них до утра и переждать непогоду, а не возвращаться обратно в клинику, рядом с которой жил. Однако, если верить метеосводкам, буря может затянуться на несколько дней, и ситуация будет лишь ухудшаться, прежде чем погода нормализуется. На попечении Ноя в клинике в данный момент находились престарелая гончая Палмкуистов и кот, восстанавливающийся после операции на позвоночнике, а дома – собственные животные, включая брошенного хозяевами щенка. Ной знал, что всегда может позвонить своей соседке Гейл и попросить ее присмотреть за его питомцами, но сама мысль об этом была ему ненавистна. Муж Гейл служил за границей, у женщины было трое детей и целый ворох забот, поэтому ей совсем не до его животных.

Помимо всего прочего, медицинская одежда Ноя была запачкана кровью и родильными водами, и ему отчаянно хотелось принять душ. На нем была его любимая шерстяная шапка, закрывающая уши, которую одна из его бывших девушек именовала «прикидом мужлана». Ной не мог похвастаться большим количеством подружек. Женщины его возраста искали иных отношений, нежели те, которые им мог предложить окружной ветеринар.

Прищурившись, он навалился на рулевое колесо, пытаясь рассмотреть хоть что-то перед собой. Подсвеченные фарами его грузовика снежные хлопья, летевшие прямо на него, казались нереальными, как спецэффект в кино. Ною вспомнились «Звездные войны», и, чтобы хоть как-то развлечь себя, он стал негромко насвистывать мелодию из этого фильма, представляя, что летит в звездолете «Тысячелетний сокол» и за его лобовым стеклом расстилается галактика, находящаяся в миллионах световых лет от Земли. Он был Ханом Соло¹, а снежинки – звездами. Он отдавал приказы второму пилоту, который вздрагивал всякий раз, слышав голос командира.

– Прибавь скорость, Чуи. Ты меня слышишь? Прибавь скорость!

Сидящая на пассажирском сиденье дворняжка Руди твякнула в ответ, и от ее дыхания запотело лобовое стекло.

Последняя девушка Ноя, Дафна, бывало, частенько упрекала его в том, что он ведет себя как ребенок, который никак не желает взрослеть. Ной же, не отличающийся деликатностью, полушутя-полусерьезно отвечал, что им следует родить нескольких малышей, чтобы ему было с кем играть.

После этого разговора Дафну он больше не видел.

¹ Здесь и далее упоминаются имена персонажей киносаги «Звездные войны». (Здесь и далее примеч. пер.)

Именно потому, что Ною так катастрофически не везло с женщинами, он работал с животными.

– Генерал Кеноби, цель обнаружена, готовим тепловой детонатор, – объявил он, воображая рабыню из далекой галактики, облаченную в бикини. Ах, если бы Вселенная действительно послала ему такую девушку!

Затем Ной успел изменить голос и заговорил низким баритоном с ужасным акцентом:

– Я верю, что ты найдешь то, что ищешь, и тогда... вот черт!

На дороге в свете фар Ной заметил какую-то тень. Вывернув руль, он резко нажал на педаль тормоза. Грузовик пошел юзом на обледенелом шоссе. Руди заскреб когтями по сиденью, пытаясь удержаться на месте. На середине трассы стояла большеглазая самка оленя. На боках ее, несмотря на зимний подшерсток, отчетливо выделялись ребра.

Ной нажал на гудок. Олениха тут же сорвалась с места и, перепрыгнув через канавку, скрылась в темноте. Зима – худшее время для диких животных, когда им особенно трудно найти пропитание.

Из радиоприемника снова раздался аварийный сигнал, и Ной его выключил.

Скоро он будет дома. Хотя за окном по-прежнему невозможно было различить никаких опознавательных знаков – даже почтовые ящики на высоких стальных арматурах были полностью погребены под снежными заносами, – его внутреннее чутье подсказывало, что конец путешествия близок. За исключением студенческих лет, проведенных в колледже, а потом в ветеринарной школе в Корнелле, Ной всю свою жизнь прожил в этом доме.

Слева от дороги лежало озеро Уиллоу, которого также не было видно из-за непогоды. Этот водоем, окаймленный Кэтскилзскими горами, был самым живописным местом округа. Теперь же его скрывал густой снежный занавес. Дом Ноя располагался через дорогу от озера, чуть выше по холму, а на берегу водоема были разбросаны несколько летних коттеджей, пустующих в это время года.

– Генерал Азканаби, нам нужно подкрепление, – заявил он, как наяву слыша воображаемую музыку. – Немедленно пошлите сюда кого-нибудь!

В это мгновение он снова заметил... что-то. Красные всполохи на белом снегу. Ной перестал насвистывать мелодию из «Звездных войн». Не сводя глаз с малинового сияния, он нажал на педаль тормоза. Теперь фары его автомобиля отбрасывали на дорогу точно такой же свет. Очевидно, впереди стоит еще одна машина, причем двигатель ее продолжает работать. Подтверждением тому являлся пар, вырывающийся из изогнутой под неестественным углом выхлопной трубы. Одна фара автомобиля зарылась в сугроб, другая высвечивала сбитого оленя.

– Сидеть, мальчик, – скомандовал Ной Руди, зажигая фонарик и хватая свой чемоданчик. У него имелось при себе достаточно транквилизатора, чтобы усыпить такое крупное животное.

Включив аварийную световую сигнализацию, Ной вышел из кабины, растворившись в объятиях ночи. Хлопья снега залепляли глаза, а порывы ветра ранили подобно удару ножа. Он поспешил к застрявшей в снегу машине, заметив, что в ее салоне находится лишь одна женщина. Похоже, она пыталась дозвониться кому-то по мобильному телефону.

Завидев Ноя, она опустила боковое стекло.

– Слава богу, вы приехали, – сказала она, выходя из автомобиля.

Одета она была совсем не по погоде: модное легкое пальто, сапоги из тонкой кожи на высоком каблуке. Ни шапки, ни перчаток. Светлые волосы то разлетались на ветру, то падали на лицо.

– Как быстро вы здесь оказались, – прокричала женщина.

Ной понял, что она принимает его за сотрудника технической помощи на дороге или управления автодорог, но на объяснения не было времени.

Казалось, женщине передалось его беспокойство. Схватив Ноя за рукав, она потянула его к передней части автомобиля. Походка ее из-за высоких каблуков была неуверенной.

– Прошу вас... – вымученно произнесла она. – Поверить не могу, что это случилось. Как вы думаете, его можно спасти?

Ной направил свет фар на оленя. Это была не самка, встретившаяся ему ранее, а молодой самец с переломанным рогом. Глаза его остекленели, и по вырывающемуся у животного судорожному дыханию Ной безошибочно определил, что олень находится в шоке. Крови видно не было, но, как показывала практика, зачастую к летальному исходу приводили именно внутренние повреждения.

Вот черт. Ной всей душой ненавидел усыплять животных.

– Прошу вас, – снова повторила незнакомка, – вы просто обязаны спасти его.

– Подержите это, – сказал он, передавая ей фонарик и опускаясь перед оленем на колени. Он издал горловой звук, призванный успокоить животное.

– Спокойно, приятель.

Сняв перчатки, Ной затолкал их в карман своей парки. Грубая шкура оленя согревала его пальцы, когда он ощупывал его живот – никаких признаков внутреннего кровотечения или повреждения тканей. Возможно...

Внезапно олень задвигался, врезаясь копытами в глубокий рыхлый снег. Ной успел заметить направленный на него удар и отпрыгнул назад, инстинктивно заслонив собой женщину, чтобы олень не ударил ее копытами. Животное поднялось на ноги и, перепрыгнув через сугроб, устремилось к кромке деревьев вдали.

– Я не убила его, – с явным облегчением произнесла незнакомка. – Вы спасли его.

Вовсе нет, подумал Ной, хотя со стороны, должно быть, все выглядело именно так – стоило ему коснуться оленя, как тот тут же вскочил на ноги и убежал. Он не стал сообщать женщине, насколько велика вероятность того, что где-нибудь по дороге или в лесу животное упадет и умрет.

Он выключил фары автомобиля и выпрямился. Незнакомка же принялась светить фонариком прямо ему в лицо. Ной поморщился, и она опустила руку.

– Прошу прощения, – извинилась она.

Надевая перчатки, он поинтересовался:

– Куда вы направлялись?

– Лейкшо-Роуд, 1247. По этому адресу располагается дом Уилсонов. Вы, случайно, не знаете, где это?

Прищурившись, Ной наконец понял, где находится. Женщина съехала с дороги прямо перед его домом.

– Несколько сот ярдов прямо вдоль берега озера – и вы на месте, – сообщил он. – Могу подбросить.

– Благодарю вас. – На ее ресницах осели снежинки, и она сморгнула их. Ной взглянул ей в лицо. Оно показалось ему довольно красивым, но очень напряженным и бледным. – Я только заберу свои вещи.

Женщина передала ему фонарик и достала из машины дамскую сумочку и большую сумку. Следом показался чемодан на колесиках с выдвигающейся ручкой, сплошь обклеенный ярлычками. В неверном свете Ной различил на одном из них какое-то слово на иностранном языке – 's-Gravenhage², кажется. Он понятия не имел, что оно означает. На другом ярлычке имелась некая официальная печать, вроде той, что ставят в Министерстве иностранных дел. «Вау, – подумал Ной, – загадочная заграничная дамочка».

Она заглушила двигатель и потушила фары.

² Официальное название г. Гаага.

– Не могу представить, что еще можно сделать с машиной, – сказала незнакомка.

– Сегодня ночью уже точно ничего.

– У меня в багажнике есть еще несколько сумок. Как вы думаете, если я оставлю их здесь, они не пропадут?

– В такую непогоду воры предпочитают сидеть по домам. – Ной повел женщину к своему грузовику и распахнул перед ней дверцу. – Садись назад, мальчик, – скомандовал он Руди, и пес послушно запрыгнул на заднее сиденье.

Женщина колебалась. Прижимая сумочку к груди, она с подозрением изучала Ноя. Даже в неверном свете кабины он различил, что глаза у нее голубые. Она явно больше не считала его заклинателем оленей, а скорее подозревала, что у него криминальное прошлое.

– Вы так на меня смотрите, будто я бывший убийца.

– А откуда мне знать, что вы не убийца?

– Ной Шепард, – представился он. – Я живу здесь рядом. Вот подъездная аллея к моему дому. – Он указал рукой направление. Подъездная аллея, по обеим сторонам усаженная соснами, чьи ветви сейчас склонялись под тяжестью снега, была занесена сугробами по колено. Фонарь над дверью заливал крыльцо призрачным желтоватым светом. Слева располагался вход в клинику, собачий питомник и конюшню. Слабо мерцали огоньки, свидетельствующие о включенной сигнализации.

Незнакомка все еще медлила. Она закусила нижнюю губу.

– Даже бывшим убийцам надо где-то жить.

– Верно. Откуда мне знать, что *вы* не были убийцей в прошлом?

Этот вопрос ничуть не смутил женщину.

– Ниоткуда, – просто ответила она и села в грузовик.

Обходя машину спереди, Ной подумал о том, что мистические силы и правда работают. Раньше он не воспринимал всерьез подобные вещи, но не сам ли он попросил у Вселенной, чтобы та послала ему кого-то? Означает ли это, что его призыв был услышан?

Разумеется, он ничего не знал о своей неожиданной попутчице. Он тоже мог бы сказать ей, что не имеет представления, каково ее прошлое.

Как будто это имеет значение. С такой внешностью она могла бы быть хоть самой Лиззи Борден³, и он не обратил бы на это внимания. Эта женщина великолепна, и она сидит сейчас в его грузовике. Так к чему же смотреть в зубы дареному коню? Дареному коню? Забавная шутка.

Ной надеялся, что запах, исходящий от промокшей в снегу собаки и от его пропитанной родильными водами медицинской униформы, не будет досаждать незнакомке. «Только не испортить все, – приказал он себе, карабкаясь на водительское место. – А еще перестань торопить события. Ты ведь ничего об этой женщине не знаешь, может быть, она замужем, или встречается с кем-то, или разведена, а муж у нее гей или попросту психопат». Единственное, в чем Ной был уверен, – это...

– Черт! – Проклятие вырвалось у него против воли. – Почему вы не сказали мне, что ранены? – Схватив фонарик, он осветил ногу женщины. На одной брючине, начиная от колена и ниже, тянулся вязкий красноватый след.

Незнакомка издала глубокий горловой звук, такой пронзительный, что Ной в испуге отшатнулся. Затем по телу ее пошла дрожь, а дыхание стало прерывистым. Она произнесла что-то на иностранном языке, возможно, немецком диалекте, некое подобие молитвы, затем

³ Лиззи Борден (1860–1927) – американка стала известной благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором ее обвиняли. Несмотря на большое количество фактов, доказывающих ее вину, она была оправдана. И в нынешнее время ее дело вызывает споры.

воззрилась на Ноя полными ужаса глазами, словно сбылся ее самый страшный ночной кошмар.

«Да уж, не испортил», – подумал Ной.

– Эй, не нужно так паниковать, – сказал он, но женщина, плавающая в океане страха, его, похоже, не услышала, она потеряла сознание, откинувшись на спинку сиденья. Голова ее безвольно склонилась к плечу.

– Эй, – снова повторил Ной, повышая голос. – Она что же, в обмороке? Вот черт! – Сорвав с руки перчатку, он нащупал сонную артерию на шее женщины. Пульс, к счастью, прослеживался. – Ну же, мисс, очнитесь, – приговаривал он, легонько похлопывая ее по щекам. – Хватит уже.

На заднем сиденье Руди беспокойно возился и скулил. Очевидно, он чувствовал запах крови и страх женщины. В довершение всего пес запрокинул голову и протяжно завыл.

«Будет мне урок», – подумал Ной. Прося Вселенную послать ему кого-нибудь, нужно было выражаться конкретнее. Например, следовало сказать: «Пусть на моем жизненном пути окажется сногшибательная красотка, а не какая-то нервная дамочка, падающая в обморок при виде собственной крови».

Насколько он мог судить, она потеряла сознание вследствие шока от травмы, беспокойства и страха. У животных так действовал защитный механизм, и у людей, естественно, тоже. Как бы то ни было, следовало измерить кровяное давление женщины и обработать рану.

Он проверил сцепление с дорогой и вырулил на свою подъездную аллею. Проехав мимо дома, Ной направил автомобиль к следующему зданию, в котором располагалась его клиника. Когда-то давно здесь был главный офис принадлежащего его семье молочного хозяйства. Но три года назад Ной решил открыть свое дело и переоборудовал это здание под клинику.

Мужчина выбрался из салона и поманил Руди. Энергичный пес одним махом перескочил на переднее сиденье и, спрыгнув на снег, пустился наутек, словно стараясь как можно быстрее сбежать от таинственной незнакомки.

Ной обошел грузовик и приблизился к пассажирскому сиденью:

– Мисс? Вы меня слышите?

Женщина еще не пришла в сознание. Он снова проверил ее пульс, затем неловко вытащил ее из салона, пятясь назад и увязая в глубоком снегу. Незнакомка была миниатюрной, но тем не менее мертвым грузом тянула Ноя к земле, пока он на руках нес ее ко входу в свою клинику. Плечом распахнув дверь, он вошел внутрь, помедлив мгновение, чтобы отключить сигнализацию. Каким-то чудом он не уронил при этом женщину. Быстро преодолев тускло освещенную приемную, Ной оказался в своем кабинете, где обычно принимал четвероногих пациентов. Он уложил незнакомку на стальной стол, выдвинув дополнительную платформу, чтобы она полностью на нем поместилась. Конечно, стол не был приспособлен для людей, но выбора у Ноя не было.

– Мисс! – снова позвал он и снова не дождался ответа. «Не пора ли делать не прямой массаж сердца?» – подумал он. – Ну же, давайте, очнитесь, – приговаривал он, похлопывая ее одной рукой по щекам, а другой доставая кислородную маску. Маска имела коническую форму, так как предназначалась для морды животного, но, прижатая к лицу женщины, оказала требуемое воздействие.

Незнакомка открыла глаза. Закричав, она попыталась бороться с Ноем. Он поднял руки вверх и отступил на шаг, показывая, что ничего не замышляет.

– Успокойтесь, ладно? – умоляюще произнес он, думая о транквилизаторе для лошадей, который лежал в его чемоданчике. Ною стало интересно, что сделала бы женщина, если бы он заявил: «Не вынуждайте меня применить транквилизатор...» Плохая идея. Он не пред-

ставлял, что делать. Следует ли ему коснуться ее? Успокоить? Или нужно брызгать в лицо водой? Определенно следует дотронуться.

– Мисс... – Ной взял незнакомку за запястье, намереваясь сосчитать ее пульс.

Это оказалось большой ошибкой. Женщина отпрянула, будто он обжег ее, стремительно приподнялась, села и воззрилась на него так, будто перед ней возник Джек Потрошитель.

– Мисс, – снова повторил Ной, становясь прямо перед ней на случай, если она опять потеряет сознание и упадет. – С вами все будет в порядке, клянусь. Пожалуйста, посмотрите на меня. Я могу помочь вам, но вам нужно сосредоточиться.

Кажется, до женщины стал доходить смысл сказанных им слов. Искривленные страхом черты лица смягчились, и она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Эй, – произнес Ной, борясь с желанием снова взять ее за руку. – Спокойно. Все будет хорошо. – Он говорил своим самым успокаивающим тоном, который обычно приберегал для диких кошек и обезумевших скунсов. – Вы находитесь в моей клинике. Я... прошел соответствующую подготовку. – Он решил пока не говорить женщине, что является ветеринаром. – Мне нужно осмотреть вас, хорошо? Клянусь, что ничто иное в мои намерения не входит. Вы позволите?

Женщина побледнела как полотно и задрожала.

– Да, – ответила она, – да, благодарю вас. Сама не знаю, что на меня нашло.

«Истинная правда», – отметил про себя Ной.

– Полагаю, вы пережили вазовагальный обморок, – заявил он, – или, по-простому, лишились чувств при виде собственной крови. Вы ранены, поэтому мне нужно задать вам несколько вопросов, сосчитать пульс и измерить кровяное давление.

Женщина поняла. Ной рискнул коснуться кончиками пальцев ее подбородка, чтобы приподнять голову и осмотреть зрачки. Кожа незнакомки на ощупь была подобна нежнейшему бархату, только очень холодному и влажному. Он почувствовал, что женщина прилагает огромные усилия, чтобы унять дрожь в теле. На лице ее появилось решительное выражение.

– Прошу прощения, – произнесла она слабым голосом. – Это непростительно с моей стороны.

Расправив плечи, она села прямее, выставив вперед подбородок. Постепенно к ней возвращалась уверенность в себе, превращая ее в совершенно иного человека. Исчезла пугливая жертва, а ее место заняла волевая – хоть и испытывающая некоторое смятение – молодая женщина.

– Вам не за что извиняться, – ответил Ной. – Множество людей теряет сознание при виде крови. – Он пожал плечами. – Это лишь подтверждает вашу человеческую природу.

– Что это за место?

– Моя клиника, – пояснил он.

– Попасть в аварию прямо перед клиникой? Как это предусмотрительно с моей стороны! – Женщина слабо улыбнулась.

– А раньше с вами подобное случалось? – поинтересовался Ной. – Вазовагальный обморок, я имею в виду.

– Нет. Боже всемогущий, нет, никогда.

– До аварии вас не беспокоили головные боли, или боли в спине, или, например, одышка?

– Нет. Вы же сами видели меня. Со мной все было в порядке до тех пор, пока... не помню.

Ной снял свою парку и, осознав, что его медицинский костюм забрызган кровью и родильными водами, поспешно отвернулся, чтобы женщина не видела, снял рубашку и затолкал ее в корзину с крышкой, а сам взял с вешалки чистый халат.

Его пациентка внезапно затихла. Посмотрев на нее, он обнаружил, что она пристально разглядывает его обнаженный торс. Ее прекрасный рот приоткрылся от удивления, образуя идеальную букву «о». Лицо женщины все еще оставалось очень бледным, из чего Ной заключил, что существует риск повторной потери сознания. И уж точно не его телосложение тому причиной, как бы он этого ни хотел. Что-то очень сильно ее испугало, и он надеялся лишь, что не он сам.

– Мне просто нужно сменить одежду на чистую, – пояснил он.

Женщина отвела взгляд и принялась рассматривать обстановку комнаты.

Ной почувствовал, что ее доверие к нему тает с каждой секундой. В ветеринарной школе не учат не снимать рубашку перед пациентами, потому что им, как правило, нет до этого никакого дела.

– Прошу прощения, – пробормотал он, быстро надевая на шею стетоскоп, чтобы убедительнее выглядеть в глазах незнакомки. – Клянусь, я всего лишь хочу помочь.

– Я очень это ценю, – ответила женщина, опираясь руками о стол, рядом с которым стоял лоток с инструментами. – Я больше не стану паниковать. Это было... очень на меня не похоже. И вообще, вся ситуация напоминает... «Шоу ужасов Роки Хоррора».

«Хотел бы я, чтобы так и было», – мысленно ответил Ной, представляя Сьюзен Сарандон в нижнем белье.

Он несколько раз нажал на педаль, чтобы опустить стол.

– У вас все еще идет кровь – нет, прошу, не смотрите. – Он не хотел, чтобы она снова потеряла сознание. – Мне нужно обследовать вашу ногу. – Ной вымыл руки над раковиной, затем натянул медицинские перчатки. – Мне придется разрезать брючину, – сообщил он, не в силах сдержать улыбки.

– И что в этом такого смешного? – поинтересовалась она.

– Мне никогда прежде не доводилось говорить пациентам подобных слов. Посидите на столе, хорошо? Отклонитесь назад, а ногу вытяните.

К его удивлению, женщина повиновалась. Упершись руками в стол, она снова принялась осматриваться вокруг, особенно заинтересовавшись плакатом с изображением различных стадий развития собаки и календарем из ветеринарной фармацевтической компании.

– Вы ненастоящий доктор, не так ли?

– О, это мой любимый вопрос, – ответил Ной. – Видите ли, если бы я был, как вы выразились, *настоящим* доктором, я знал бы анатомию и патологию лишь одного биологического вида, а не шести и имел бы всего одну специальность вместо девяти.

– Полагаю, вас часто об этом спрашивают.

– Достаточно часто, чтобы вызвать мое раздражение. – Он отступил на шаг, держа руки в перчатках на весу. – Послушайте, я могу ничего не делать.

– Если вы не против, я бы все же хотела, чтобы вы меня осмотрели.

Как можно ей отказать?

– Мне нужно проверить, нет ли повреждений на других участках тела.

– Нет, только колено.

– Повреждения могут быть и внутренними.

– Как вы это определяете?

– У вас признаки шокового состояния, поэтому мне нужно посмотреть, нет ли синяков на грудной клетке, и ощупать ваш живот.

– Вы что, шутите? – спросила женщина, мгновенно напрягаясь. – Я отказываюсь. Я не ударялась, ничего подобного. И у меня больше нигде не болит. Только колено.

Ной не собирался настаивать. Ситуация и так была довольно странной.

– Я мог бы вызвать скорую помощь, но в такую ночь лучше делать это, только если есть угроза жизни.

– Нет, угрозы жизни точно нет, – заверила его женщина. – Поверьте мне, я знаю, в чем разница.

– Хорошо. Тогда сосредоточимся на вашем колене. Но если почувствуете головокружение или в глазах станет двоиться, немедленно дайте мне знать, договорились? – Он измерил ее кровяное давление и с облегчением отметил, что оно находится в пределах нормы. Внутреннее кровотечение понижает кровяное давление. – Ладно, – сказал Ной, – дайте-ка мне взглянуть.

Женщина легла и прикрыла глаза рукой.

– Вы ведь поймете, почему я не хочу смотреть.

– Да, я догадался, что вида крови вы не переносите.

Ной выбрал ножницы для разрезания перевязочного материала и принялся резать темную шерсть ее брюк, постепенно поднимаясь выше, к колену. Тонкая и явно дорогая кожа сапога женщины была в крови. Ной продолжал орудовать ножницами, надеясь лишь, что ему не придется зайти настолько далеко, чтобы показаться пострадавшей извращенцем. Порез имел дугообразную форму. Незнакомка, очевидно, поранилась чем-то под приборной доской.

– У вас рана прямо над коленом. – Должно быть, ей чертовски больно. Порез не казался Ною глубоким, но он не переставал кровоточить. – Придется накладывать швы, – сообщил он.

– Вы можете это сделать?

– Я не пластический хирург. Что бы я ни сделал, останется шрам.

– Сумеете ли вы остановить кровотечение, а утром я сама займусь поисками хирурга?

– Рану нельзя оставлять открытой на столь долгий срок, так как это повышает риск попадания в нее инфекции. Любой доктор вам скажет, что семь часов – это максимум. Утром дороги будут все еще закрыты.

– Так зашейте сами. Если останется шрам, я это переживу.

Ной удивился подобному замечанию из уст красивой женщины.

– Хорошо. Я проведу вам местный наркоз. Вероятно, дюжины швов будет вполне достаточно. Я постараюсь сделать их очень маленькими, и тогда шрам будет почти незаметен.

Ной задумался о том, чтобы предложить пациентке транквилизатор, но не был уверен в дозировке. Она весит примерно столько же, сколько ротвейлер, поэтому восьмидесяти миллиграммов должно быть достаточно. А может быть, и нет. Он решил обойтись местным анестетиком.

– Допускаю применение новокаина, – сказала женщина.

– Я возьму однопроцентный лидокаин. – Ной надеялся, что препарат начнет действовать быстро. Ему было странно работать с пациентом, которого не требовалось успокаивать. Он сделал укол, и женщина даже не поморщилась. – Через несколько минут вы уже ничего не будете чувствовать, – заверил он.

– Очень на это рассчитываю. – Женщина отняла руку от глаз и воззрилась на рабочий стол Ноя. – Если я буду хорошо себя вести, дадите ли вы мне в качестве поощрения печенье вон из той банки?

– Сколько захотите, – ответил Ной, надрывая стерильную упаковку с шовным материалом. – Тогда зубы ваши станут белее, а дыхание приобретет мятную свежесть.

– Всю жизнь мечтала, – пробормотала она.

Ной сменил перчатки и занялся промыванием и зашиванием раны. У многих животных кожа гораздо нежнее, чем у людей. Он выбрал нейлоновую нить три нуля и острую иглу для тканей – такая обычно используется для накладывания внутренних швов лошадям.

Надев очки с увеличительными стеклами и направив на колено свет лампы, Ной принялся за работу, стараясь действовать как можно более аккуратно, чтобы на нежной бледной коже незнакомки остался минимальный шрам. Он заметил, что женщина снова начала дрожать, и спросил себя, не поговорить ли ему с ней о пустяках, чтобы отвлечь и заставить сидеть неподвижно. С его обычными пациентами это, как правило, срабатывало.

– Я до сих пор не знаю вашего имени, – сказал он.

– София. София Беллами.

– А вы не в родстве с семьей Беллами, которая владеет гостиницей, расположенной на северной оконечности озера?

– Вроде того. Я была замужем за Греггом Беллами, но сейчас мы в разводе.

Ной отметил про себя, что она не стала менять фамилию.

– У меня в Авалоне двое детей, – продолжала женщина.

Очевидно, именно поэтому она и оставила фамилию мужа, подумал он. Но почему дети не живут вместе с матерью? Ной напомнил себе, что это совсем не его дело. Люди – существа замысловатые, они способны испытывать множество удивительных эмоций и состояний. С этим биологическим видом никогда не бывает просто. Как показывает практика, с животными работать гораздо легче, а вот общение с людьми зачастую напоминает хождение по минному полю. Никогда не знаешь, в каком месте может прогреметь взрыв.

Разговор о пустяках, напомнил себе Ной, чтобы отвлечь внимание пациентки.

– Так вы приехали сюда в гости? Или вернулись из путешествия?

София замаялась, словно обдумывая, как лучше ответить, и это было странно, ведь он задал самый невинный вопрос.

– Во второй половине дня мой самолет приземлился в аэропорту имени Джона Кеннеди. Из-за непогоды внутренние рейсы до Ольстера отменили, поэтому я взяла напрокат машину и поехала. Могла бы добираться поездом, но мне этого совсем не хотелось.

Так откуда же она все-таки прилетела? Ной не стал спрашивать, надеясь, что женщина сама сообщит ему это, но она ничего не добавила, поэтому он сосредоточился на накладывании швов, отмечая про себя, что человеческая кожа очень напоминает кожу собаки или лошади.

– Вы будете жить у Уилсонов через дорогу? – осторожно поинтересовался он.

– Не совсем. Но я поселюсь в их доме. Он летний вообще-то. Мы с Альбертой – Берти Уилсон – знакомы со времен учебы в юридическом колледже.

– Вот как. – Рука Ноя замерла в воздухе. – Так вы адвокат?

– Да.

– Настоящий адвокат?

– Что ж, я заслужила подобный вопрос, – согласилась София.

– Вы не могли сообщить мне об этом до того, как я стал зашивать вашу рану материалами, предназначенными для лошадей?

– И вы в таком случае избрали бы для меня иной способ лечения?

– Не знаю, – честно признался Ной. – Возможно, я вообще не стал бы оказывать вам медицинскую помощь. Или попросил бы вас предварительно подписать формуляр о том, что вы не будете иметь ко мне претензий.

– Подобный формуляр не может остановить хорошего адвоката, – заявила София и тут же быстро добавила: – Но вам не о чем волноваться. Вы спасли меня, остановили кровотечение. Последнее, что я захочу сделать, – это засудить вас.

– Рад слышать. – Ной убрал хирургическую салфетку с ноги женщины и еще раз промыл рану раствором повидон-йода. – Но все же вам стоит взглянуть на результат моих трудов. Получилось не так хорошо, как мне бы хотелось.

Опираясь на руки, женщина села. Швы образовали на ее бледной коже четкую черную линию, залитую дезинфицирующей жидкостью янтарного цвета.

– Вы остановили кровотечение, – снова повторила она.

– Похоже на то. – Ной наложил на рану марлевую повязку. – Нужно забинтовать. А вам следует вести себя осторожно, чтобы швы не разошлись. Если бы вы были одним из моих привычных пациентов, я надел бы на вас похожий на перевернутый конус воротник, чтобы вы не грызли бинт.

– В этом нет необходимости.

– Рану нельзя мочить.

– Думаю, я это переживу.

София сидела неподвижно, ожидая, пока Ной закончит перевязку. Потом он вторично измерил ее кровяное давление.

– Показатель не изменился, – сообщил он. – Это хорошо.

– Огромное вам спасибо. В самом деле, не знаю, как вас и благодарить.

Ной поддержал женщину за руки, и она осторожно спустилась со стола. Она покачнулась, и он приобнял ее за талию.

– Полегче, – сказал он. – Сегодня ночью вам придется спать, держа ногу в приподнятом положении.

– Хорошо.

То, что он сжимает Софию в объятиях, поразило Ноя. Подбородком он касался ее шелковистых волос. Она пахла как свежий морозный ветер и была одновременно нежной и легкой.

Женщина тоже отреагировала на его прикосновение – она содрогнулась. От страха или облегчения? Ной не мог бы сказать наверняка. В следующее мгновение она осторожно высвободилась из его рук, и он повел ее в приемную. На рабочем месте Милдред царил идеальный порядок, что очень соответствовало характеру его педантичной ассистентки. Стол самого Ноя был завален журналами и справочниками, а также игрушками, статуэтками и открытками от благодарных хозяев животных. В приемной имелась также небольшая пробковая доска, сплошь заклеенная фотографиями счастливых детей в обнимку со своими питомцами. Ной очень любил детей.

– Благодарю вас еще раз, – снова повторила София. – Сколько я вам должна за лечение?

– Вы, должно быть, шутите?

– Шутить не входит в мои привычки. Вы оказали мне профессиональную медицинскую помощь и должны быть за это соответствующим образом вознаграждены.

– Верно. – Ной отметил, что она говорит как истинный адвокат. Если бы он проделал ту же процедуру с доберманом, то получил бы за это несколько сотен баксов. – Ваше лечение за счет заведения. Но вам нужно будет как можно скорее обратиться к настоящему врачу.

– Что ж, ваши действия вышли далеко за рамки простого исполнения долга, – произнесла София и добавила: – Мой герой.

В ее голосе все еще звучали нотки страха, и Ной предположил, что она таким образом пытается продемонстрировать напускную храбрость или иронию.

– Никто никогда не называл меня так прежде, – признался он.

– Держу пари, что многие ваши пациенты именно так про вас и отзывались бы, умей они говорить.

София отвела взгляд, и Ной удовлетворенно отметил, что щеки ее слегка порозовели. Черт побери, какая же она красивая!

– Как бы то ни было, сейчас мне нужно добраться до коттеджа...

– Ничего не получится, – перебил он. – По крайней мере, не нынешним вечером.

– Но...

– По дорогам не проехать. К дому Уилсонов ведет подъездная аллея, но сейчас она погребена под слоем снега глубиной в фут. К тому же в коттедже холодно, поэтому сегодня вы остаетесь здесь.

Женщина обвела взглядом помещение.

– Вы поместите меня в одну из клеток для животных?

– Именно, рядом с котом по имени Мэнкс, который принадлежит миссис Левинсон. –

Ной жестом указал на скамью в зоне ожидания. – Присядьте и держите ногу на весу. Мне нужно провести своих пациентов, а затем мы пойдем ко мне домой. У меня не так удобно, как в отеле «Риц», но еду и кров гарантирую. Места у меня много.

– Я и так уже доставила вам массу хлопот...

– Поэтому еще немного беспокойства ничего не изменит.

– Но...

– В самом деле, все нормально.

С этими словами Ной отправился в зону содержания животных, освещенную тусклым ночным светом. Кошка Тоби не спала, но спокойно сидела в своем вольере. Воды у нее было достаточно. Брут, английская гончая, крепко спал и похрапывал. Еще одна кошка, Клементина, тщательно вылизывала свою шерсть.

Ной заметил, что у нее почти закончилась вода.

– Ты видела ее, Клем? – прошептал он. – Можешь поверить в такое везение? Эта девочка выглядит как выигрыш в лотерею!

Кошка подмигнула ему и, подняв переднюю лапу, принялась умываться.

– Вижу, ты одобряешь, – заметил Ной.

Несомненно, Софию к нему привел случай, но, возможно, тут вмешалась сама судьба. Самая прекрасная женщина во Вселенной, та, что назвала его «мой герой», будет жить прямо через дорогу от него.

Не исключено, что он придает слишком большое значение этой случайной встрече, но ему все равно. Хан Соло на его месте использовал бы ситуацию по максимуму. София очень красивая, и она сама сообщила ему, что свободна. Кроме того, у нее есть дети, а Ной обожает малышей. Он всегда мечтал о большой семье. Его последняя подружка бросила его именно потому, что не хотела детей, а теперь он встретил женщину, которая уже является матерью.

Ной вымыл руки над раковиной, приказывая себе не торопить события, что он очень любил делать. Судьба подарила ему золотой шанс, и теперь только от него зависело, как правильно им распорядиться.

Ной был уверен, что никогда прежде не встречал женщины, подобной Софии Беллами. Ему было очень интересно, что она за человек, помимо того, что она является бывшей женой какого-то парня. Он хотел бы узнать, откуда приехала эта женщина и как оказалась здесь ночью в снежную бурю, а также стоит ли ему волноваться из-за сквозившего в ее взгляде отчаяния?

Часть вторая Месяцем ранее

Богоявление

В переносном смысле этим словом обозначается внезапное осознание, озарение или перерождение, зачастую вызванное поворотными событиями в жизни.

Изначально же понятие «богоявление» произошло от греческого слова, означающего «явление божественного, сверхъестественного существа». Богоявление – это церковный праздник в память о явлении Христа язычникам, он отмечается западными христианами 6 января, на двенадцатый день после Рождества, и совпадает с пришествием волхвов.

Gouge`res⁴

Gouge`res – это воздушные сырные пирожные из заварного теста, которые традиционно готовят во Франции и подают в это время года с сухим шампанским, но никогда с брютом.

Ингредиенты:

1 стакан воды

1 пачка несоленого масла, порезанного маленькими кусочками

$\frac{1}{2}$ чайной ложки соли

1 стакан муки

4 крупных яйца

$1\frac{1}{2}$ стакана натертого на крупной терке сыра грюйер⁵.

Приготовление

Духовку разогреть до температуры 375°F. Залить в кастрюлю воду, добавить масло и соль, довести до кипения, а затем убавить газ. Засыпать муку и непрерывно помешивать получившуюся массу деревянной ложкой до тех пор, пока она не перестанет прилипать к стенкам кастрюли.

Перелить смесь, известную как *pate a choux*⁶, в миску и вымешивать миксером, вводя яйца по одному. Если масса получится слишком густой, можно добавить еще одно яйцо.

Затем замешать в *pate a choux* тертый сыр и ложкой выложить порции на застланный пергаментом противень на расстоянии примерно одного дюйма друг от друга. Выпекать в духовке около 25 минут до образования золотистой корочки. Подавать теплыми.

⁴ Пирог с сыром (*фр.*).

⁵ Сорт сыра, по названию местности в Швейцарии.

⁶ Заварное тесто.

Глава 2

Гаага, Голландия.

Дворец мира

6 января – Богоявление

Сияющий черный лимузин остановился перед каменным готическим зданием, чей силуэт четко вырисовывался на фоне ночного неба в неверном желтом свете противотуманных фар. Тяжелые капли дождя громко барабанили по крыше «ситроена».

Сидящая на заднем сиденье за пуленепробиваемыми стеклами София Беллами в последний раз поправила прическу, глядя в зеркальце пудреницы, затем захлопнула ее и положила свою дамскую сумочку в специальную консоль. Из-за усиленных мер безопасности во дворце было гораздо проще не брать с собой никаких личных вещей, кроме карты, удостоверяющей личность.

Когда София только начала посещать официальные мероприятия во Дворце мира, без сумочки она чувствовала себя очень неудобно, но постепенно научилась целый вечер обходиться без расчески, губной помады, связки ключей и мобильного телефона. Все это было запрещено проносить во дворец из соображений безопасности.

Сегодня вечером подобные меры предосторожности казались вполне оправданными. Недавнее заключение Международного суда касательно военных преступлений – дела, похитившего два года ее жизни, – было неоднозначно встречено общественностью, поэтому существовала угроза проявления актов насилия.

Лимузин пристроился в конец очереди из нескольких автомобилей перед входом во дворец. Прежде София всегда испытывала воодушевление, посещая церемониальные мероприятия, но теперь воспринимала это как рутину. Она сама удивлялась тому, насколько привыкла к подобной жизни, частью которой являются водители и агенты службы безопасности, роскошный гардероб, улыбающиеся высокопоставленные гости и перевод, который нашептывается через наушники.

К посту внешней охраны гостей провожали под большими черными зонтами, искривленные тени которых отражались в серебристых лужах на мощенной камнем Дворцовой площади. Софии говорили, что мероприятие будут транслировать по телевидению, но она заметила всего один фургон телевизионщиков, а сами они, имеющие довольно неопрятный вид, устанавливали свою аппаратуру примерно метрах в тридцати от здания. Несмотря на историческую значимость сегодняшнего события и тот факт, что королева Беатрикс почтит его своим присутствием, мировая общественность не обратит на него никакого внимания. В США, к примеру, люди слишком заняты просмотром видео в Интернете, чтобы заинтересоваться тем фактом, что политическая карта Африки претерпела некоторые изменения и в этом очень большая заслуга Софии.

Ее телефон завибрировал – пришло сообщение от ее сына Макса, с приложением фото, изображающего белоснежный пляж и лазурные волны моря. Мальчик писал: «Санта-Крус великолепен. Папа с Ниной готовятся обменяться кольцами. Целую!»

София молча взирала на послание своего двенадцатилетнего сына. Она знала, что именно сегодня ее бывший муж повторно свяжет себя узами брака, но старалась не думать об этом. Грег находился на тропическом острове и в этот самый момент, возможно, давал клятву верности женщине, которая заняла ее, Софии, место. Женщина аккуратно закрыла крышку мобильного телефона и прижала его к груди, стараясь унять гнетущее чувство, терзающее ей сердце. Сделать это было совершенно невозможно, даже в столь важный для нее вечер.

Андрэ, ее водитель, включил аварийный световой сигнал, показывающий, что пассажиры готовятся покинуть салон транспортного средства, и надел свою форменную фуражку.

Он глубоко вздохнул, отчего плечи его поднялись. Уроженец Сенегала, Андрэ терпеть не мог погоду Северной Европы, особенно в январе.

Внезапно послышался визг автомобильных покрышек и хлопок, похожий на выстрел. Не колеблясь ни секунды, София бросилась на пол лимузина, одновременно хватая и прижимая к уху трубку телефона. Андрэ на переднем сиденье поступил точно так же. Затем раздался звуковой сигнал, и по громкоговорителю на голландском, французском и английском языках сообщили о том, что опасности нет.

Андрэ опустил перегородку, разделяющую зоны водителя и пассажира.

– *C'est rien*⁷, – произнес он. – У одного из автомобилей неполадки с карбюратором, вот и все. *Merde*!⁸ Всегда найдется какой-нибудь повод понервничать.

Целую неделю город находился в состоянии повышенной боевой готовности из-за активизации радикально настроенных группировок, и водителей-иностранцев часто обкрадывали, потому что они парковались в общественных местах и нередко засыпали, по многу часов ожидая своих пассажиров.

София достала пудреницу и проверила, в порядке ли прическа. Она прошла подготовку, как следует вести себя в чрезвычайных ситуациях. Она имела дело с одними из самых опасных людей в мире, но никогда не заботилась о собственной безопасности. При таком количестве охраны риск того, что может действительно что-то произойти, был минимален.

Андрэ взмахнул рукой в перчатке, спрашивая тем самым у Софии, готова ли она. Отложив сумочку в сторону, женщина зажала в руке заламинированное *carte d'identite*⁹ и кивнула. Дверца с ее стороны распахнулась, и над головой раскрылся зонтик, который держал в руке облаченный в ливрею дворцовый служитель.

– *On y va, alors*¹⁰, – сказала она Андрэ.

– *Assurement, madame*¹¹, – ответил он на своем мелодичном франко-африканском наречии. – *J'attends*¹².

Ну разумеется, он будет ждать, подумала София. Он, к счастью, всегда так делает. К концу вечера она будет мертвецки пьяной от шампанского и осознания собственного успеха, но поделиться радостью ей будет не с кем. Андрэ же отлично умеет слушать. Сегодня, пока они ехали от дома Софии до дворца, она рассказала ему, как сильно скучает по своим детям.

Как бы ей хотелось, чтобы Макс и Дэзи были сегодня вместе с ней, чтобы они стали свидетелями почестей, которые ей окажут. Но они находились за океаном вместе со своим отцом, который вот-вот снова женится. *Женится*. Возможно, в это самое мгновение он клянется в верности своей новой жене.

Осознание этого беспокоило ее, как попавший в ботинок камень. Очарование вечера было частично разрушено.

«Прекрати немедленно, – приказала себе София. – Это *твой* звездный час».

Выходя из машины, женщина поскользнулась на влажных камнях площади, и на долю секунды – ужасающую долю секунды – ей показалось, что она падает. Сильная рука обхватила ее сзади за талию.

– Андрэ, – выдохнула она, – вы только что предотвратили катастрофу.

⁷ Ничего страшного (*фр.*).

⁸ Дерьмо! (*фр.*)

⁹ Удостоверение личности (*фр.*).

¹⁰ Сию минуту, я иду (*фр.*).

¹¹ Конечно, мадам (*фр.*).

¹² Я подожду (*фр.*).

– *Rien du tout, madame*¹³, – ответил он, все еще не отпуская ее. Свет падал на его торжественное доброе лицо.

София подумала о том, что уже давно не оказывалась в мужских объятиях. Отогнав неподобающие мысли, она заняла устойчивую позицию и отступила на шаг от водителя. На нее тут же повеяло холодом. Ее длинного кашемирового пальто было явно недостаточно, чтобы сохранить тепло в такой вечер. Возможно, пойдет снег, что для Гааги будет явлением редким, но дождь постепенно превращался в ледяную крупу. Прячась под широким зонтом, София поспешно миновала пост охраны, направляясь к первому контрольно-пропускному пункту. Пешеходная дорожка огибала Вечный огонь, прикрытый от непогоды металлическим колпаком. Нужно было пройти еще около двадцати метров до галереи, снабженной тентом и расстеленной по случаю торжественного события красной ковровой дорожкой. Когда София ступила под тент, ее провожатый чуть слышно произнес: «*Bonsoir, madame. Et bienvenue*¹⁴». Большая часть служащих во дворце говорила на французском, который наряду с английским являлся официальным языком, принятым в Международном суде.

– *Merci*¹⁵.

Мужчина с зонтом сделал шаг назад и растворился в пелене дождя, отправившись встречать следующего гостя.

Людской поток тек медленно, так как нужно было миновать гардероб и еще один контрольно-пропускной пункт. София лично не была знакома ни с кем из присутствующих, но узнала многих из них: облаченных в черное сановников с семьями, африканцев в национальных костюмах своих стран, дипломатов со всего света. Все они прибыли сюда, чтобы отдать почести Умойе, стране, которая только что была освобождена от ига военного диктатора, получавшего поддержку синдиката, наживающегося на незаконной реализации алмазов.

Прямо перед собой София увидела семью американцев: мужчину с военной выправкой, облаченного в церемониальный костюм, который стоял в окружении своей жены и двух дочерей-подростков. Этот мужчина показался Софии смутно знакомым. Кажется, он является атташе из бельгийской штаб-квартиры Союзных европейских держав. Она не стала приветствовать эту семью, чтобы не разрушить царящую в их семье идиллию.

Супруга атташе теснее прижалась к нему, словно ища у него защиты от пронизывающего ветра и холода. Эта женщина была решительной и простодушной и, подобно Софии, привыкла доверять людям. Уши ее украшали простые золотые серьги без драгоценных камней. Надеть украшения с камнями, особенно бриллиантами, на подобное мероприятие считалось верхом бестактности.

Глядя на американскую семью, которая казалась вполне счастливой и довольной своим крошечным мирком на четверых, София снова почувствовала щемящую тоску по собственным детям.

По площади гулял обжигающе-холодный ветер, от которого слезились глаза. София часто заморгала, испугавшись, как бы у нее не потекла тушь. Подняв воротник пальто, она повернулась спиной к ветру. У бокового входа во дворец стоял фургон поставщик продуктов питания, *Naagsche Voedsel Dienst, S.A.*¹⁶ Хорошо, мысленно одобрила София, это лучший поставщик в городе. Сегодня, похоже, эта фирма работает допоздна. Облаченные в белое официанты сновали туда-сюда, закатывая тяжелые тележки с провизией через служебный вход и яростно переговариваясь друг с другом.

¹³ Пустяки, мадам (фр.).

¹⁴ Добрый вечер, мадам. Добро пожаловать (фр.).

¹⁵ Спасибо (фр.).

¹⁶ Гаагская служба общественного питания (голландск.).

К тому моменту, как София достигла гардероба, она совсем продрогла. В мире было мало мест, которые могли бы сравниться по холоду с зимней Гаагой. Город располагается ниже уровня моря, он стоит на земле, отвоеванной у Северного моря и огороженной дамбами. Во время снежной бури кажется, будто природа пытается забрать обратно то, что принадлежит ей по праву. Порывы ветра, подобно ударам ножа, пробирали до костей. В Гааге есть поговорка: сможешь выстоять в бурю – никакие жизненные трудности тебе не страшны.

Неохотно женщина стянула свои перчатки из мягкой оленьей кожи и вместе с пальто передала работнику гардероба, принимая свой номерок – 47 – и пряча его в карман платья. Разгладив руками невидимые складки на своем платье, София развернулась, намереваясь направиться к входу, и тут заметила, что на нее со смешанным чувством зависти и восхищения смотрит жена атташе.

София провела большую часть дня, готовясь к торжеству. На ней были платье и туфли, которые по стоимости могли сравниться с целым мебельным гарнитуром. Платье превосходно на ней сидело. В колледже София была пловчихой на длинные дистанции и до сих пор принимала участие в соревнованиях среди профессионалов, чтобы поддерживать хорошую форму. Каждый волосок в ее гладко зачесанной назад прическе лежал строго на своем месте. Бижутерия, ее стилист, заверила ее, что она выглядит как Грейс Келли в зрелые годы. Это был достойный комплимент. Вращаясь в высших кругах, приходится много внимания уделять собственной внешности и умению держать себя. Другими словами, играть на публику.

София улыбнулась жене атташе, усматривая в ситуации глубокую иронию. «Не нужно завидовать мне, – хотелось ей сказать. – С вами ваша семья. Чего еще можно желать?»

Миновав рамку металлоискателя, София без сопровождения прошествовала по открытому, украшенному колоннадой портику к главному бальному залу и остановилась на пороге, где вместе с переминающимися с ноги на ногу прочими гостями стала ожидать, когда ее представят.

Встав на цыпочки и вытягивая шею, София осматривалась вокруг. По долгу службы большую часть времени она проводила в высотном, выполненном из стекла и металла здании Международного суда и успела забыть о романтических идеалах, приведших ее карьеру к моменту наивысшего торжества. Но здесь, в богато украшенном дворце, выстроенном на деньги Эндрю Карнеги, не скупившегося на расходы, женщина вспомнила, что о такой работе, как у нее, многие люди могут только мечтать. Она почувствовала себя настоящей Золушкой, правда без принца.

Мажордом в великолепной парадной ливрее склонился над ней, чтобы взглянуть на ее удостоверение личности. В ухе его виднелся крошечный шарик переговорного устройства, от которого отходил спиральный провод.

– Сопровождает ли вас кто-то, madame?

– Нет, – ответила София, – я одна.

При такой работе, как у нее, времени на поиски принца совершенно не оставалось.

– Madame Sophie Lindstrom Bellamy, – громко провозгласил мажордом, – au Canada et aux Etats-Unis.

Из Канады и Соединенных Штатов – у нее двойное гражданство благодаря матери-канадке и отцу-американцу. Несмотря на то что Америка не входит в состав Международного суда, остальной мир сошелся во мнении, что именно эта страна станет отличным посредником в делах, касающихся преследования военных преступников, и София, работающая в суде, знала, что США справляются с возложенными на них функциями. Изобразив на лице улыбку для фотографов, женщина вошла в бальный зал, сияющий в свете настенных и свешивающихся с потолка светильников. То и дело раздавались слова приветствия.

Несмотря на оказанный ей теплый прием, София понимала, что сегодняшний вечер, как и многие другие важные события в своей жизни, ей придется встречать в полном одиночестве.

Она отогнала эту мысль с помощью бокала шампанского, взятого с подноса высокого нескладного официанта. София решила, что не станет портить себе вечер сожалениями и переоценкой собственного поведения. В конце концов, не каждый день доводится увидеть настоящую королеву и получить медаль за освобождение нации.

Гаага является королевским городом, местом, где заседает голландский парламент. В выполнении своих обязанностей королева Беатрикс неустоима. Британская королевская семья может сколько угодно пятнать себя скандалами, а монаршая династия Оранских-Нассау по праву гордится королевой, которая работает так же усердно, как и любой получающий жалованье простой служащий. Работники службы безопасности в штатском незаметно патрулировали комнату, внимательно всматриваясь в пеструю толпу гостей. Команда подобралась разношерстная: здесь была женщина с повязанным на голове шарфом, одетая в ярко-красное платье на бретелях, и еще одна, облаченная в кимоно, несколько мужчин в разноцветных дашики – мужских рубашках в африканском стиле, – а также европейцы в строгих костюмах и вечерних платьях. На мгновение София почувствовала себя живой и полной сил, забыв о том, что творится в ее семье. Она слушала заразительно-радостное пение детского хора, чьи высокие голоса заполняли большое помещение. Ребята были одеты в накрахмаленные школьные формы и улыбались щербатыми улыбками.

Зазвучали *Il Est Ne, Le Divin Enfant* и *Ça Bergers*¹⁷ – традиционные гимны, исполняемые на Богоявление, – а также национальные танцевальные мелодии и горловые церемониальные песнопения.

Хор затянул *Impuku Nekati*¹⁸, песнь, рассказывающую и показывающую охоту кота на мышь. Они еще сохраняли способность петь, эти дети, которых война оставила сиротами. Софии отчаянно хотелось забрать их всех с собой. Лица некоторых из ребят были ей уже знакомы, так как несколькими днями ранее они приносили цветы юристам, защищавшим их интересы в суде.

Борьба за прекращение транснациональных преступлений против детей потребовала от Софии колоссального количества времени и усилий, и самую дорогую цену за это приходилось платить ее собственным детям. Сколько школьных спектаклей с участием Дэзи и Макса она пропустила из-за работы? Пели ли ее сын и дочь с такой же радостью и воодушевлением, или глаза их затуманивались печалью, когда они в очередной раз не находили свою маму в зрительном зале? Боже всемогущий, как же София хотелось, чтобы Макс и Дэзи находились сейчас рядом с ней и могли видеть плоды ее усилий и жертвы, возложенные на алтарь работы! Возможно, тогда они сумели бы понять и простить ее.

Среди певчих выделялась одна девочка – худенькая, кожа да кости, – для которой петь, казалось, было так же естественно и жизненно необходимо, как дышать. Когда исполнители закончили, София подошла к этой девочке.

– Ты прекрасно поешь, – похвалила она.

Девочка одарила ее широкой улыбкой.

– Благодарю вас, *madame*, – ответила она и робко добавила: – Меня зовут Фату. Я из деревни Куумба.

Иных объяснений не требовалось. Та деревня являла собой пример страшнейших злодеяний, которые совершает над людьми война. Вспоминая сообщения, поступившие из Куумбы, София ощутила новый приступ гнева к человеку, которые совершил подобные зверства над ни в чем не повинными детьми вроде Фату.

¹⁷ «Родился Божественный Ребенок» и «Это пастухи» – традиционные французские рождественские гимны.

¹⁸ «Мышь и кошка» – африканская песня.

Женщина могла лишь догадываться, какие ужасы довелось увидеть и пережить этой девочке. София задавалась вопросом: как Фату удастся смотреть на мир широко раскрытыми глазами да еще и петь?

– Я очень рада видеть тебя здесь сегодня, – сказала София. – Хорошо, что ты в безопасности.

– Да, *madame*. Благодарю вас, *madame*. – Фату снова улыбнулась.

Эта улыбка явилась причиной, побудившей Софию делать то, что она делала, даже если ради достижения цели ей приходилось жить вдали от семьи и работать по восемнадцать часов в сутки.

В этот момент в людской толпе возник шепоток, распространяющийся подобно волне. Девочка заволновалась, но София быстро поняла, что произошло. Гости сообщали друг другу о том, что пошел снег.

– Идем со мной, – позвала София, беря Фату за руку. – Давай посмотрим в окно. – Она подвела девочку к большому окну в готическом стиле и отодвинула бархатную портьеру. – Смотри, – повторила она.

Приложив руки к лицу лодочкой, Фату подалась вперед. Сверкая в свете фонарей, снег опускался пушистыми хлопьями, которые постепенно покрывали дворцовые сады, превращая их в зачарованные невиданные земли.

– Никогда прежде ничего подобного не видела. Это волшебство, *madame*! – восхитилась девочка.

Снаружи на быстро одевающейся в белое мощеной площади трепетали тени. София тоже прислонилась к стеклу, внимательно осматривая мирный опустевший двор. Как бы ей хотелось, чтобы Макс и Дэзи также стали свидетелями великолепия и торжественности вечера. Женщина радовалась уже тому, что может разделить эти мгновения хотя бы со стоящей рядом с ней девочкой. Она улыбнулась Фату.

Девочка этого не заметила, она продолжала смотреть в окно, зачарованная снегопадом.

Глава 3

Когда все гости налюбовались снегом, началась торжественная часть. София подошла к длинному шведскому столу с закусками. Еда, так же как и музыка, представляла собой собрание гастрономических изысков стран, присутствующих на мероприятии. У Софии потекли слюнки при виде подноса с *gougures*, воздушными сырными пирожками из заварного теста с золотистой корочкой, но она не поддавалась искушению попробовать хоть одно. Она вообще не должна ничего есть сегодня вечером, потому что в противном случае у нее смажется помада или к губам прилипнут крошки, а она обязана быть на высоте.

К удивлению Софии, цветочные композиции и кулинарные изыски были расставлены на столе довольно бессистемно, без привычной педантичной скрупулезности. Главный официант, крупный светловолосый мужчина, щелкнув пальцами, передавал заказ по портативному микрофону, пристроенному у него возле рта. Когда он потянулся, чтобы доложить на блюдо креветок, то задел и разбил ледяную скульптуру. София могла бы поклясться, что слышала, как он негромко выругался. «Наслаждайся вечером, – подумала она, беря со стола бокал шампанского. – Доступ во дворец тебе отныне заказан». Здесь, при самом могущественном дворе мира, обслуживание должно быть на высшем уровне. Одно неверное движение, и ты уволен.

Лавируя среди гостей, София пробралась к группке людей, тесно обступивших Момо Сани Момо, премьера Умойи, который впечатляюще выглядел в национальном костюме из желто-оранжевого шелка и высоком, искусно уложенном тюрбане. Ожидая своей очереди, чтобы поприветствовать его, женщина встретила коллегу, Биби Латиф. Уроженка Умойи, сегодня вечером госпожа Латиф была также одета в национальный костюм, являющий разительный контраст привычным мантиям, которые она носила в суде.

– Восхитительно выглядишь, *madame*, – сказала она Софии, широко улыбаясь. В глазах ее светилось победно-радостное выражение.

Женщины обнялись, и София отступила на шаг назад, чтобы получше рассмотреть свою подругу.

– Ты тоже. Я потрясена.

– Приятно слышать, – отозвалась госпожа Латиф, – потому что деловые мантии мне больше не понадобятся.

София светилась от гордости. Ее коллега была столь же образована, что и другие выступающие в суде юристы, а теперь она займет одну из ведущих позиций в новом правительстве.

– У тебя теперь новый титул? Поделишься?

– Как тебе нравится «министр по социальному обеспечению»? – улыбнулась госпожа Латиф.

София взяла ее за руку. Биби лишилась семьи во время военных действий, поэтому ее борьба за освобождение нации приобрела личный характер. Возвращение на родину станет для нее одновременно и радостным, и горьким.

– Превосходно, – одобрила София. – Мои поздравления. Но знай, что я буду скучать по тебе. Никто не ожидал решения суда по этому делу с таким нетерпением, как я, но мне будет не хватать нашей совместной работы.

– Многое еще предстоит сделать. Разделенные семьи и дети, оставшиеся сиротами, заслуживают самого пристального внимания, – произнесла Биби. – Пообещай, что приедешь в гости.

– Непременно.

София уже несколько раз была в Умои, стране, поражающей своей красотой даже в военное время. Бои и рабский труд в алмазных шахтах значительно сократили численность

населения в городах, но в Умойе имелись и обширные неосвоенные территории – высокогорные равнины и дождевые леса в горах. Поселения в долинах рек постепенно начали восстанавливаться.

– Ловлю тебя на слове, – сказала госпожа Латиф. Взгляд ее светился неподдельной благодарностью, что очень тронуло Софию. – Очень рада была познакомиться с тобой.

– Для меня большая честь послужить правому делу, – отозвалась София, провожая взглядом свою коллегу, которая отошла, чтобы переговорить с детьми на их родном языке. Именно ради этого София и жила – ради осознания того, что действия ее оправданны, что они стоят принесенных ею жертв. Неизбежно возникал другой вопрос – согласятся ли с ее суждениями ее собственные дети?

Женщина отступила на шаг, все еще ожидая своей очереди, чтобы поприветствовать премьера, когда перед ней возник мужчина, удостоверение которого свидетельствовало о том, что он представляет прессу.

– Брукс Фордам, «Нью-Йорк таймс». Пожалуйста, расскажите о поводе сегодняшней встречи.

София сдержанно улыбнулась.

– Мистер Фордам, если вы хотите узнать историю целиком, то имейте в виду – это займет несколько часов.

– Да, я действительно хочу узнать историю. Почему бы вам не сообщить мне сокращенный вариант? И зовите меня Брукс, пожалуйста.

Софии был отлично известен подобный тип мужчин: избалованный, амбициозный, излишне образованный и обладающий сознанием собственной привлекательности. Тем не менее женщина послушно изложила ему краткую версию событий, предшествовавших этому великому дню. Умойя являлась нацией, поработенной полуполицейским синдикатом, образованным африканскими и европейскими торговцами алмазами под предводительством скандально известного военного диктатора, генерала Тими Абача. В течение двух десятилетий страной управляли безжалостные военные силы, существующие на деньги, полученные от реализации алмазов. Постепенно творимые ими зверства стали настолько ужасающими, что мировому сообществу пришлось обратить на это внимание.

Затем достоянием общественности стала фотография, благодаря которой люди нашли Умойю на политической карте мира и заинтересовались ее проблемами. На снимке был изображен маленький мальчик из числа местных жителей, у которого не было одной руки и уха. Он смотрел в объектив совсем недетским взором. Его силой забрали из семьи военные и принудили работать на добыче алмазов, потому что небольшой рост ребенка позволял ему помещаться в стволе шахты. Фотография попала на первые полосы всех газет и журналов, заставив мировую общественность предпринять шаги для решения этой проблемы. Международная команда независимых экспертов подтвердила случаи рабства и жестокого обращения с жителями страны, набор в армию и насилие над детьми. Материалы по заведенному уголовному делу собирались с особой тщательностью, поставив таким образом под удар многие ключевые фигуры этой кровавой драмы. «Несчастные случаи» происходили с теми, кто задавал вопросы не тем людям или просто оказывался не в том месте и не в то время.

София знала эту историю, возможно, лучше, чем все присутствующие в зале, вместе взятые. Собирая материалы по делу угнетенной нации, она провела тщательное расследование. На карте Африканского континента очертания Умойи напоминали кувшин с наклоненным вниз носиком.

Страна была богата алмазными месторождениями, причем добываемые там камни отличались исключительной чистотой и качеством. Поколение за поколением местные жители защищали страну от европейских колонистов и вражеских племен, пока десять лет

назад группа вооруженных мерзавцев, жадных до наживы, не поработила нацию, устроив кровавый переворот.

Население страдало от насилия, этнических чисток, геноцида. Маленьких мальчиков вербовали в солдаты, а девочек насиловали и выбрасывали, иногда вынуждая вынашивать и рожать детей своих мучителей. Собирая материалы дела против военного диктатора, София и ее команда задавали вопросы жертвам преступлений. Рассказов о невероятной жестокости было так много, что одни члены команды не выдерживали и подавали в отставку, а другие приобретали невроз и лишались способности эффективно выполнять свои обязанности.

Всякий раз, когда София слышала истории о мальчиках, ровесниках ее сына, пристрастившихся к наркотикам и ставшим частью безжалостной военной машины, призванной лишь убивать, или о молодых девушках-подростках, ровесницах ее дочери, которых изнасиловали – иногда со смертельным исходом, – сердце ее обливалось кровью. Каждая жизненная история наложила на Софию глубокий отпечаток, и она стала воспринимать этот судебный процесс как личную борьбу.

Протестов и звонков с угрозами принятия международных санкций было явно недостаточно, чтобы изменить ситуацию в стране. Оценив происходящее трезвым взглядом, София поняла, что нужно возбудить дело против существующего режима, свергнуть временное правительство и вернуть власть законным представителям.

Слушания по делу продолжались два года. София работала до полного изнеможения. Брак ее распался, а дети теперь жили за океаном. Но сегодня вечером, напомнила она себе, можно праздновать победу. Битва выиграна. Торжество посвящено тем людям, которые помогли восстановить в Умойе порядок. Местным жителям больше не нужно спасаться бегством от военных-головорезов или работать в алмазных шахтах, страдая от голода и жестокости шакалов, захвативших власть в их стране.

София почувствовала на себе пристальный взгляд Брукса. Она-то сама старалась не смотреть на него, опасаясь, что вид его может ее отвлечь. Хотя они только что познакомились, женщина отметила, что он обладает обаянием и остроумием, способными вызвать ее улыбку. Постепенно оправляясь от эмоционального потрясения, вызванного разводом, она обнаружила, что мужчины – ее слабое место. Едва эта мысль отпечаталась в ее сознании, как она почувствовала, что краснеет.

На суде София была помощником заместителя прокурора. Когда оба ее вышестоящих начальника заболели, она заняла их место и сама обратилась к комиссии из пятнадцати судей Международного суда. Говорили, что именно ее непреклонное и страстное выступление стало ключом к вынесению обвинительного приговора. После этого в Умойю были введены войска ООН, сместившие коррумпированное правительство и восстановившие в правах находящегося в изгнании премьера.

– Такова история вкратце, – попытожила София, обращаясь к Бруксу. – Судя по вашему затуманенному взору, я вас утомила.

– Тому виной не вы, а смена часовых поясов, – возразил он, вытаскивая небольшой блокнот и деревянный карандаш. – Какой ваш номер телефона? – спросил он с улыбкой.

Женщина продиктовала ему номер мобильного телефона своего второго секретаря, рассудив, что этого будет вполне достаточно.

Брукс тщательно записал цифры, снабдив их сопроводительной записью, затем назвал свой номер.

– Разве вы не станете записывать? – удивился он.

– Уже запомнила, – ответила София, у которой была фотографическая память на номера телефона.

Она помнила телефонный номер адвоката, занимавшегося ее разводом больше года назад. Она могла бы без запинки назвать телефон тренера хоккейной команды сына, хотя

никогда не встречалась с этим человеком лично. Знала она и номер новой жены Грегга, Нины, хотя никогда не стала бы ей звонить. Глядя Бруксу в глаза, она повторила его номер.

– Вы разносторонне одаренная женщина, – восхитился он. – Какая же все-таки невероятная история!

– Которую вы сократите до размеров заметки в одну колонку в разделе «Вокруг света» и поместите на девятнадцатой странице, где ее никто не увидит, – закончила за него София.

– Я постараюсь отвоевать для нее побольше места, – пообещал репортер. – Можно еще один вопрос?

– Да, пожалуйста. – Она скрестила руки на груди.

– Правда ли, что вы получили доступ к банковской истории синдиката тем же способом, каким пользуются нигерийские мошенники?

Губы София скривились в усмешке.

– Мы просто нашли достойное применение спаму. Технической стороной вопроса занимались специалисты, но да, мы обманули главного казначея синдиката. Эту уловку нельзя назвать старой как мир, но она тоже существует давным-давно. И выставляет потерпевшего в очень глупом свете.

Действуя в лучших традициях нигерийских спамеров, чья обманная деятельность настолько скандально известна, что носит кодовое название 419, София и ее команда выбрали своей жертвой главного казначея диктатора Умойи, мистера Феми Гидадо. Этот амбициозный и жадный человек нередко вкладывал деньги в рискованные предприятия, которые, однако, приносили синдикату солидный доход.

Узнав эти сведения из его биографии, специалисты из команды Софии послали ему электронное письмо-приманку от лица официального правительственного чиновника, располагающего большим состоянием, который «умолял о великой милости» касательно «дела важной финансовой значимости». Этот мнимый чиновник обещал Гидадо три с половиной миллиона долларов за право воспользоваться банковской историей синдиката в простой, но незаконной сделке.

После непродолжительного обмена электронными письмами София и ее команда получила доступ к финансам синдиката. Так как сделано это было незаконным путем, они не имели права воспользоваться этими деньгами, но несложная уловка дала им в руки рычаг для достижения цели. Они поставили нечистого на руку казначея перед выбором: либо он выступает в суде как главный свидетель по делу о диктаторе, либо о его финансовых махинациях станет известно его руководству. Так как наказание за предательство предполагало пытку в особо изощренной форме с последующим отсечением головы, Гидадо решил посодействовать делу спасения народа Умойи.

– А что стало с генералом Тими Абача и главой алмазного синдиката Сержем Хенгером?

Отличный вопрос.

– Они все еще на свободе. Но так как все имущество синдиката арестовано, у них нет ни приспешников, ни активов. Их поимка – всего лишь вопрос времени. – Помолчав немного, София добавила: – Надеюсь, вы включите это в свою статью.

– Шутите? Нам нужно снять видео для официального сайта газеты. Вы, между прочим, великолепно выглядите.

– Благодарю вас.

– Не опасаетесь ли вы актов возмездия или попыток нападения? До того, как военную группировку расформировали, она считалась одной из самых хорошо вооруженных и тренированных в регионе. По слухам, часть заговорщиков укрылась прямо здесь, в Нидерландах.

– Среди нас всегда найдутся трусы, чьими поступками руководит алчность, но я не собираюсь жить в страхе из-за этих людей.

Репортер тщательно записал высказывание Софии – очевидно, оно показалось ему внушительным.

– Вы слишком молоды, чтобы придерживаться подобных взглядов, – заметил он.

– Возраст тут совершенно ни при чем, – возразила женщина, – все дело в преданности и опыте, а у меня есть и первое, и второе. – Она понимала, что Брукс может без труда узнать ее возраст простым нажатием нескольких клавиш на своем Black Berry, так как дата ее рождения наряду с группой крови, паспортными данными, успеваемостью в колледже и участием в соревнованиях по плаванию находились в открытом доступе. София решила не интриговать собеседника. – Мне тридцать девять лет, – сказала она, – разведена, имею двоих детей, которые живут в Авалоне, штат Нью-Йорк. – Сообщая информацию о себе в таком сжатом виде, она действовала как профессиональный, ориентированный на карьерные достижения международный адвокат. Невозмутимый тон, с которым была произнесена фраза «Имею двоих детей, которые живут в Авалоне, штат Нью-Йорк», не означал, что притупились ее страдания оттого, что семья ее распалась. Свои материнские обязанности она исполняла по телефону, электронной почте, а также посредством обмена текстовыми и мгновенными сообщениями. В ее отсутствие происходило множество событий. Она, между прочим, обнаружила, что Дэзи стала брюнеткой, Макс начал брать уроки игры на барабанах, а ее бывший муж решил жениться во второй раз. Макс все еще мечтал завести собаку, а Дэзи готовилась поступать в колледж. София постоянно разрывалась между желанием быть рядом с детьми, принимая участие в их жизни, и страхом, что своим присутствием она лишь все испортит.

Брукс о чем-то спрашивал, но София его совсем не слушала.

– В зале находится множество высокопоставленных гостей, – сказала она, жестом обводя комнату, – почему вы выбрали именно меня?

– Потому что из вашего рассказа выйдет хорошая статья, – честно признался он, – которая, я надеюсь, займет в газете достойное место.

– А с какой стати мне вам помогать?

– Видите ли, – произнес репортер, – новость эта важная – нацию спасли от исчезновения с лица земли. Но оба мы отлично знаем, что среднестатистическому американцу нет до этого никакого дела. Он с большей охотой отдаст свой голос за какого-нибудь популярного идола, чем станет переживать о состоянии страны третьего мира, о которой он даже никогда не слышал.

– Не думаете же вы, что, написав обо мне, вы измените ситуацию?

– Да, если вы скажете или сделаете что-то из ряда вон выходящее, что заинтересует посетителей сайта YouTube.

– Например, пересеку всю Европу в нижнем белье? Вижу, что вы глубоко прониклись серьезностью происходящего, – ответила женщина.

– В самом деле, – не сдавался Брукс, – как женщина, подобная вам, избрала для себя стезю борьбы с военными преступниками и диктаторами?

– Счастливое стечение обстоятельств.

– Когда люди слышат о работниках правосудия, то обычно представляют себе семидесятилетних старичков в длинных старомодных мантиях, а не... – Он намеренно оставил мысль незаконченной, смерив Софию оценивающим взглядом.

Она заставила себя промолчать. Одним из самых строгих правил ее работы являлось привлечение внимания общественности к важности судебной миссии.

– Прежде всего смею заметить, дело слушалось в Международном суде, созданном всего шесть лет назад. Вряд ли этот орган можно назвать почтенным старым институтом правосудия. А во-вторых, единственная причина, по которой именно я выступала со стороны обвинения, состояла в том, что первый прокурор и его заместитель заболели накануне пер-

вого слушания. – Виллем де Грот, пожилой человек, разделяющий страсть Софии к свершению правосудия, день за днем, неделя за неделей направлял работу и ее самой, и всей команды.

– Счастливое стечение обстоятельств, которое предоставило вам возможность проявить себя, – заметил Брукс.

– Скорее невезение, поставленное перед лицом необходимости, – поправила его София. – Я все бы отдала, чтобы сегодня мой руководитель был с нами.

– Вы явно не стремитесь пожинать лавры победителя, не так ли? Какая трата таланта и внешних данных!

– Вы, кажется, чрезмерно увлечены моей внешностью.

– Это из-за платья. Вам отлично известно, что в нем вы будете привлекать внимание мужчин даже без драгоценных украшений. Думаю, тем самым вы пытаетесь сделать какое-то заявление.

– Я отказалась от бриллиантов по вполне понятной причине. Многие другие камни тоже были под вопросом, поэтому гораздо проще стало не надевать их вовсе. Ах, как же я не подумала о жемчуге! Его вырабатывают моллюски, а добывают счастливые ныряльщики, не так ли? Мне следовало бы выбрать украшение из жемчуга.

– Вы можете надеть жемчуг, когда мы станем снимать видео с вашим участием, – заявил Брукс.

Еще пара глотков шампанского, и София будет готова отправить этого репортера восвояси.

– Вы несносны, мистер Фордам. Я ухожу. Торжественная часть вот-вот начнется.

– Разрешите задать вам еще один вопрос, и я оставлю вас в покое, – поспешно произнес он.

– Слушаю вас.

– Позвольте пригласить вас на ужин завтра вечером?

– Что-то не похоже, что вы намерены оставить меня в покое.

– Но это похоже на... план действий?

Женщина не торопилась с ответом. Этот мужчина, вероятно, является выпускником одного из колледжей Лиги плюща, его генеалогическое древо уходит корнями к первым английским колонистам, приплывшим в Америку на корабле «Мейфлауэр», у него непомерное самомнение.

Однако если она примет его приглашение, ей не придется ужинать в одиночестве.

– Мой секретарь позвонит вам и договорится о встрече.

– Это приглашение на свидание, а не международный саммит.

– Мои секретари прекрасно умеют организовывать любые мероприятия, – заверила София. Свидание с этим мужчиной станет приятным времяпрепровождением. В прошлом у нее, мягко говоря, было не так много романтики. Подростковое обжимание в средней школе сменилось более замысловатыми свиданиями в колледже – на вечеринках студенческого братства и отвязных дискотеках. А потом в жизни Софии появился Грег. Они поженились, не успев даже как следует узнать друг друга. Их союз был подобен попытке привоя двух несовместимых сортов деревьев: поначалу они еще могут сосуществовать вместе, но постепенно их различия уже невозможно игнорировать. Любила ли она Грега? Все вокруг его просто обожали. Он был самым привлекательным, очаровательным и избалованным из четырех отпрысков семейства Беллами. За что же его было не любить? Осознание того, что ей *следует* испытывать к мужу чувство любви, на протяжении шестнадцати лет поддерживало их брак – срок достаточно долгий, чтобы понять, что любви нет. После этого София на несколько месяцев замкнулась в себе.

Лишь прошлой осенью она нашла в себе мужество попытаться снова устроить личную жизнь. Когда же мужчина в первый раз пригласил ее на свидание, она смотрела на него так, будто он говорит на неведомом языке. Пойти на свидание? Какая странная идея!

И все же фаза, когда София пряталась в раковине, переживая шок после развода, сменилась фазой принятия ухаживаний. Сначала она встречалась с агентом из дипломатической службы охраны, который был больше заинтересован в том, чтобы продемонстрировать Софии свои шпионские штучки – сигнальное устройство, крепящееся к лацкану пиджака, или пачку из-под сигарет, из которой мог выделяться поражающий газ, – чем лучше узнать ее. Несмотря на разочарование, София все же пыталась плавно перевести эту фазу в следующую, подразумевающую интимные отношения, которые для только что разведенной женщины являлись отличным способом удовлетворения своих фантазий. Бытует мнение, что женщины, которые спят с кем попало, всегда весело проводят время. София же очень скоро убедилась, что это сплошное разочарование, и быстро ретировалась к предыдущей фазе ни к чему не обязывающих свиданий. Женщина уверяла себя, что придет день, когда одному из атташе, дипломатов или националистов удастся разжечь в ней пламя страсти, но до сих пор этого не произошло.

Посмотрев на Брукса, она задалась вопросом, не является ли он тем самым человеком, предназначенным ей судьбой, который заставит ее вспомнить, каково это – находиться в мужских объятиях. «Но только не сегодня вечером!» – сказала она себе.

– Прошу меня извинить, – произнесла она, направляясь к сцене.

Женщина огляделась вокруг, ища место, куда бы она могла поставить бокал из-под шампанского, и заметила приближающегося к ней официанта. Он ее, похоже, не видел.

– Прошу прощения, – обратилась к нему София.

Мужчина подпрыгнул от неожиданности; с его подноса упал фужер и, ударившись о мраморный пол, разлетелся на кусочки. Люди, находившиеся поблизости, смолкли и дружно посмотрели на незадачливого официанта. Агент службы безопасности, стоящий у стены, напрягся, готовый в любую минуту принять меры.

– Мне очень жаль, – пробормотала София. – Не хотела вас пугать.

– Все в порядке, madame, – произнес официант с сильным акцентом.

Она совсем было собралась спросить, откуда он родом, но тут перехватила его взгляд, потемневший от плохо сдерживаемой ярости. Его реакция на мелкую неприятность была явно преувеличенной.

София подняла брови, посылая официанту молчаливое предупреждение, как неоднократно проделывала в суде с главным свидетелем обвинения. Мужчина отступил на шаг, и его темнокожее, покрытое шрамами лицо оказалось залито светом лампы. Шрамы эти были нанесены явно не случайно, и их расположение показалось Софии смутно знакомым. Она догадалась, что мужчина – уроженец Умойи. Нанять его на работу было красивым жестом со стороны поставщика продуктов, и это объясняло его неуклюжесть и неопытность.

Официант двинулся прочь.

– Прошу прощения! – крикнула ему вслед София.

Он обернулся, всем своим видом демонстрируя сильное раздражение.

«Ты официант, – подумала женщина, – возьми себя в руки». Она протянула ему свой пустой бокал.

– Не могли бы вы забрать это? Церемония вот-вот начнется.

Мужчина резко вырвал у нее из рук бокал и зашагал прочь. «Обидчивый парень, – отметила про себя София. – Мы только что освободили твою страну, и тебе следовало бы проявлять большее воодушевление». Она тут же забыла о произошедшем инциденте. «Сосредоточься, София, – приказала она себе. – Очень скоро ты встретишься с королевой».

Глава 4

Группа лиц, стоящих на расположенном в дальнем углу бального зала возвышении, состояла из трех судей Международного суда и одного представителя Гаагского трибунала, организации, созданной при поддержке ООН и лично королевы Нидерландов, чье генеалогическое древо насчитывало семь поколений голландских монархов. София присоединилась к группе прокуроров, расположившихся на нижнем ярусе, куда их провел организатор мероприятия, попросив подождать. Рядом с Софией находился ее коллега и лучший друг Тарик Абдул-Хаким. Как и она, он был помощником заместителя прокурора в Международном суде, и над делом Умойи они работали вместе. Они были знакомы много лет, со времен стажировки в Лондоне, и София обожала Тарика. Мужчина обладал поистине притягательной внешностью – кремового цвета кожа, пронзительные глаза и классические, словно высеченные искусным скульптором черты лица. Он был талантливым лингвистом и по-английски говорил с приятным акцентом. За время совместной работы их стало связывать гораздо больше, чем просто узы дружбы. Тарик был одним из немногих людей, с кем София поделилась тем, что происходит в ее семье и кому она рассказала о Грее и детях.

– Ты в порядке, Цветочек? – шепотом спросил Тарик.

– Ну разумеется. Отчего бы мне не быть в порядке?

– Вполне возможно, что ты *bouleversee*¹⁹ тем фактом, что твоей бывший муж сегодня снова женится.

София небрежно взмахнула рукой, хотя и знала, что ей не удастся одурачить своего друга.

– Да, он женится. Все к этому шло. Он же мужчина, а они именно так и поступают – женятся вторично. – При этих словах София тихонько усмехнулась. – Кто-то же должен дальше заниматься их воспитанием.

Сарказм не смог притупить боли, овладевшей ею, когда она вспомнила сообщение Макса. В голове тут же возник вопрос, на который не было ответа, – а стоит ли ее карьера той цены, что она за нее заплатила?

– Какое лестное мнение о мужчинах, – заметил Тарик. – После церемонии я отвезу тебя куда-нибудь и напою так, что ты забудешь собственное имя.

– Звучит заманчиво.

– А разве вы, американцы, не так обычно поступаете – отправляетесь в бар и напиваетесь до беспамятства?

София фыркнула:

– Ты понятия не имеешь, о чем толкуешь. Ты же не употребляешь спиртное.

– Но я его *покупаю*. Отвезу-ка я тебя в клуб «Силлес».

София знала, что примет приглашение и отправится с ним в этот один из самых популярных клубов Гааги, куда часто заходит европейская элита. Понимала она и то, что зависть всех посетительниц клуба ей обеспечена, потому что Тарик мог без труда вскружить голову кому угодно. Он был элегантным, с налетом грусти во взгляде, причем грусть эта была неподдельная, хотя немногие знали о побудивших ее причинах. Выпускник Оксфорда, один из лучших юристов в мире, Тарик полностью посвятил себя служению Фемиде. Тем не менее, будучи геем и уроженцем Саудовской Аравии, каждый день он вынужден был вести личную битву, на его родине интимная связь с человеком своего пола каралась смертной казнью.

¹⁹ Расстроена, потрясена (*фр.*).

– Благодарю за приглашение, – сказала София, – но после церемонии мне очень нужно домой. Меня работа ждет...

– Аллах не запрещает иметь хоть какое-то подобие жизни.

– Она у меня есть.

– Нет, у тебя есть твоя работа – в суде или в офисе – и есть немного времени на сон. Ах да, я забыл упомянуть об этом твоём ужасном спорте.

– Вовсе он не ужасный. Плавание на дальние дистанции действует на меня благотворно. – София постоянно тренировалась для каких-то состязаний, правда никогда – ни единого раза – не занимала первого места, зато всегда финишировала. Всегда.

Тарику, самой напряженной физической нагрузкой которого был подъем на лифте до нужного этажа, спортивные занятия Софии казались очень опасными.

– Барахтание в ледяной воде в мокром купальнике – это безумие. Тебе нужно повеселиться, Цветочек, нужно, чтобы в твоей жизни появилось еще что-то помимо работы. Я понимаю, почему ты страшишься отпустить себя на свободу. Считаешь, что, если позволишь себе радоваться жизни, это нарушит твою епитимью.

– Да что тебе известно о наложении епитимьи?

– Чувство вины могут испытывать не только христиане, – назидательно произнес Тарик. – Ты чувствуешь вину перед своими детьми, поэтому отказываешь себе даже в малейших радостях. Все просто, но ничем хорошим это для тебя не закончится, вне зависимости от того, будешь ли ты в суде уличать террористов или станешь кататься на велосипеде по улице Хогевег в разгар туристического сезона.

– Верно. Я по-прежнему отделена от своих детей.

– Ты даешь своим детям очень многое – мать, которая заботится о благе мира и старается сделать его лучшим местом для жизни. Неужели ты думаешь, что они предпочли бы, чтобы ты возила их на тренировки по футболу и по магазинам?

– Иногда да. – Она знала, что ничего уже не изменить, но не могла не гадать, как сложилась бы судьба Дэзи, если бы она уделяла дочери больше времени.

– Моя дорогая мама проводила со мной каждый день, но посмотри, кем я стал! Ходячим недоразумением.

– Образованным человеком с широким кругозором.

– Изгоем. Еретиком. – Тарик говорил шутливо, но София безошибочно улавливала в его голосе боль, возможно отличную от той, что терзала ее, но все же чем-то похожую.

– Перестань, – сдавленным шепотом приказала она. Они с Тариком были зациклены на карьере. Пытаясь убежать от своей истинной сущности, Тарик жил лишь своей работой. Это все, что у меня есть, бывало, частенько повторял он. К счастью, иного ему и не надо.

Про себя же София не могла сказать того же, поэтому промолчала. Она заметила приближающихся к ним премьера и королеву, и прочистила горло, предупреждая Тарика. Королева Нидерландов была похожа на всеми любимую тетюшку. Она была совершенно очаровательна и, выполняя свои обязанности, обращалась с каждым так, словно он для нее – самый важный человек на свете.

– Сердечно благодарю вас за службу, – сказала она, когда группа высокопоставленных гостей пришла в движение.

«Я важное лицо, – подумала София. – Да, именно так, я важное лицо».

Когда ее представили королеве, она слегка присела в реверансе, который репетировала много дней, и с непревзойденным самообладанием назвала монаршую особу Uwe Majesteit²⁰. Ритуал приветствия проходил торжественно и единообразно, без сюрпризов. Никто никогда

²⁰ Ваше величество (голландск.).

не узнает, что маленькая девочка в душе Софии возликовала. Она представлена королеве, самой настоящей живой королеве!

Королева Беатрикс была юристом, так же как и София. Они могли бы даже поболтать, как две подруги, обсудить, где лучше покупать туфли и обменяться свежими сплетнями.

Выглядел бы их разговор примерно так:

- Вы уже видели новый фильм с Джорджем Клуни?
- Мне нравятся ваши серьги. Где вы их раздобыли?
- Каково это – когда вашим именем называют аэропорт?
- Расскажите мне о своей семье. Как вам удается все успевать?

Да, это был животрепещущий вопрос, который София с удовольствием задала бы другим работающим женщинам. Здесь, во Дворце мира, они наблюдали возрождение к жизни целой нации, а ее заботят такие домашние проблемы. Софии очень хотелось бы знать, как Беатрикс удавалось управлять страной, но при этом сохранить свой брак и семью.

Всегда приходится чем-то жертвовать, прошептал внутренний голос.

Королева сейчас была вдовой, а ее дети давно выросли. София мечтала знать, не сожалеет ли Беатрикс о чем-нибудь, не хотелось бы ей в чем-то поступить иначе, например проводить больше времени со своими детьми, читать им на ночь добрые истории, ограничивать время просмотра телевизора, чаще ходить на родительские собрания.

Стражники в красочном одеянии внесли флаги Евросоюза и суда Нидерландов, а потом, с особыми почестями, флаг Умойи, который поместили, словно дерево, в держатель на сцене. Вновь утвержденный в должности посол мистер Бенсоуда занял место у микрофона. За его спиной расположились шесть помощников, держащих каждый по почетной медали. К концу вечера одна из них будет вручена Софии.

– Mesdames et messieurs, – произнес посол, – bienvenue, les visiteurs distingués²¹... – Он углубился в повествование об истории своей страны.

Медали были вручены с произнесением хвалебных речей. На черном платье Софии этот дар от благодарной нации смотрелся особенно эффектно. Интересный выбор одежды, отвлеченно подумала она. Почетные гости предпочли облачиться в наряды, имеющие потайные карманы для удостоверений личности, а также вырез горловины, который бы наиболее выгодно подчеркнул висящую на груди медаль. Тут София осознала, что она пытается абстрагироваться от происходящего. Она ничего не могла с собой поделать. В ее жизни чего-то недоставало, и она не могла притворяться, что не замечает этого. Как она могла наслаждаться мгновениями своего триумфа, когда ее семьи не было рядом, чтобы разделить ее радость? Эта мысль принесла с собой новый виток ненависти по отношению к Грегу. Для него этот день тоже являлся совершенно особенным, но София очень хотелось бы не заикливаться на этом. Однако не каждый день мужчина, который был ее мужем, женится во второй раз.

Сцена и микрофон превратили обычных людей в многоречивых помпезных ораторов, и София оказалась запертой в толпе почетных гостей. Нынешним вечером она безрассудно позволила себе выпить два с половиной бокала шампанского, и в результате выступления об исторических событиях она слушала, с силой сжимая зубы, чтобы хоть как-то справиться с дискомфортом, вызванным полным мочевым пузырем.

Гости не спешили расходиться, и женщина поняла, что не может больше ждать ни секунды. Нужно было срочно решить, что станет более тяжким faux pas²² дипломатии – преждевременно покинуть сцену или обмочиться прямо перед королевой.

²¹ Дамы и господа, добро пожаловать! Гости отличаются... (фр.)

²² Тяжкий проступок, ложный шаг (фр.).

София сделала шаг назад и, минуя людей ожидающих своей очереди к микрофону, последовала за тянущимися по полу черной змеей электрическими проводами, отвечающими за освещение и звук. В задней части сцены она проскользнула в неприметную дверь и оказалась в пустом коридоре.

Завернув за угол, София столкнулась с двумя облаченными в черное мужчинами, чьи плечи были влажными от растаявшего снега. Они резко обернулись к ней, и женщина замерла на месте, подняв руки вверх. Агенты службы безопасности, подумала она. Всех-то они вечно подозревают.

– Прошу прощения, – пробормотала она, – я ищу туалет.

Следуя указателям, она отправилась в дамскую комнату, миновала вестибюль, в котором пожилая женщина из числа обслуживающего персонала читала голландский развлекательный журнал. София улыбнулась ей.

Воспользовавшись туалетом, София подошла к раковине, чтобы освежиться. Из одной из кабинок донесся звук, который ни с чем не перепутаешь, – кого-то рвало. Как мило, подумала женщина. И какой идиот вздумал напиться на таком важном мероприятии? Дамской сумочки у нее с собой не было, поэтому пришлось пригладить волосы мокрой рукой и поправить макияж бумажной салфеткой.

Из кабинки показалась Фату, та самая девочка, обладающая прекрасным голосом. Несмотря на темный цвет кожи, лицо ее было бледно, но глаза сохраняли осмысленное выражение, они не были затуманены алкоголем или наркотиками. Девочка подошла к одной из раковин и уперлась руками о ее бортик. Волосы ее пребывали в полном беспорядке. Пустив воду, Фату прополоскала рот и вымыла лицо, но каким-то непостижимым образом от этого стала выглядеть еще хуже.

– Выглядишь неважно, – по-французски обратилась к ней София. – Тебе нужна помощь?

– Нет, благодарю вас, *madame*, – отказалась Фату. – Я не больна, – добавила она, кладя руку на живот.

София не сразу нашлась с ответом. Девочка была еще очень юна, и ей рано было создавать семью, но было в ее облике что-то знакомое, что женщина безошибочно распознала, – проблеск радости, смешанный с отчаянием. София и сама испытывала подобное, а потом наблюдала у своей дочери Дэзи.

– У тебя будет ребенок, – спокойно произнесла она.

Фату потупилась.

– О тебе есть кому позаботиться? – спросила София.

Девочка кивнула:

– Я здесь на стажировке, живу в семье в Лилле. Думаю, при сложившихся обстоятельствах я еще легко отделалась. Но мои хозяева явно не обрадуются этой новости.

– Обрадуются. Возможно, не сейчас, но... со временем, – авторитетно заявила София, чувствуя, как сердце ее переполняют печаль и сожаление. Ее не было рядом со своей дочерью Дэзи, точно так же, как и ее собственной матери не было с ней, когда она была беременна.

Фату отступила на шаг назад и поправила свое национальное платье, которое очень шло ей.

– Тебе лучше? – спросила София.

– На какое-то время.

Женщина положила два евро на тарелочку для чаевых служительницы и вышла в украшенный колоннами коридор. Через окно она заметила, что снег все еще идет, валит пушистыми хлопьями, подсвеченными в свете наружной иллюминации. Скоро двор и сад будут полностью укутаны белым покрывалом.

– Какой снег на ощупь? – чуть слышно спросила за ее спиной Фату.

– Снег? – София мгновенно приняла решение, совсем ей не свойственное. Она взяла девочку за руку и повела ее к выходу во двор. – Идем. Сейчас сама узнаешь.

София отлично понимала, насколько рискованным было даже на несколько минут уходить с официального мероприятия, но сегодня вечером ею овладело странное безрассудство. Дело, которому она отдала два года своей жизни, официально закрыто. Дети находятся на другом конце света – на солнечных Карибах, присутствуют на церемонии бракосочетания своего отца. Никогда еще не приходилось Софии ощущать столь острое чувство собственной обособленности. Также она понимала, что многое в жизни непрочно и мимолетно, как снегопад на побережье Голландии. Приветствие королевы. Гимн, исполняемый хором сирот. Или девочка, которая забеременела, еще не распрощавшись с собственным детством.

Аркообразная дверь, над которой нависли две камеры слежения, являлась окном в изменяющийся на глазах мир. Фату вскрикнула от удивления и произнесла что-то на своем родном языке, затем осторожно вышла под навес над входом. София проследовала во двор, поднимая лицо к небу, чтобы почувствовать на коже прикосновение снежинок.

– Видишь, он безобиден, – сказала она. – И гораздо приятнее, чем дождь.

Фату подошла к ней. На лице ее, освещенном светом фонарей, застыло выражение восхищения. Она радостно засмеялась, ловя снежинки, которые все падали, образуя на земле белую пелену.

– Да, *madame*, – ответила Фату, – это удивительно.

В памяти Софии запечатлелся образ девочки, со смехом танцующей по двору и ловящей лицом снежинки. Это напомнило женщине о том, что в мире еще остались красота и радость, даже в самых неожиданных местах. Она принялась рассматривать отдельные снежинки на низкой садовой стене, каждая из которых была прекрасна в своем совершенстве.

– Они похожи на крошечные цветы, – заметила Фату.

– Да. – София снова взяла ее за руку. И она сама, и девочка начали замерзать. – Пора возвращаться обратно во дворец.

В этот момент до ее слуха донесся звук шагов и тяжелое дыхание – к ним приближалась большая неясная тень.

– Иди внутрь, – настойчиво повторила она Фату. – Скорее. Я тебя догоню через мгновение.

София узнала силуэт в свете искусственных огней. Андрэ? Она нахмурилась. Спотыкаясь, он шатающейся походкой пробирался вдоль стены здания, оставляя за собой волнообразный след. Женщина недоумевала, что на него нашло. Андрэ исповедовал ислам, запрещающий употреблять спиртное. Она поспешила вперед.

– *Andre*, – воскликнула она, – *qu'est-ce qui se passe?* Что произошло?

– *Madame...* – запинаясь, пробормотал он и упал на колени в снег, затем завалился на бок, как медведь, подстреленный охотником.

В какой-то промежуток между тем моментом, как он заговорил и как голова его коснулась камней мостовой, София отчетливо осознала произошедшее. «Нет, – подумала она, понимая, однако, что отрицать очевидное бессмысленно, – о нет!»

Она опустилась на колени подле Андрэ, едва ощущая холод через ткань платья и чулки.

– Пожалуйста, пожалуйста, не умирай, – заклинала она.

Едва слова ее сорвались с губ, София поняла, что уже слишком поздно. Прежде ей никогда не доводилось видеть, как умирает человек, но теперь она на подсознательном уровне догадалась о происходящем. Андрэ издал ужасающий стон, затем обмяк и затих навсегда. София все еще не верила своим глазам. Совсем недавно она разговаривала со своим водителем, человеком, который посвятил свою жизнь ее защите. А теперь его нет в живых! Его убили.

Горячий пьянящий запах крови был так силен, что женщина недоумевала, как она его сразу не почувствовала.

В груди и животе Андрэ зияли раны. Возможно, и где-то еще. София не сумела определить, были ли они нанесены ножом или появились в результате пулевого ранения. Она никогда не сталкивалась ни с чем подобным раньше. Когда она опустилась на колени рядом со своим водителем, изумляясь тому, как быстро остывает его тело, она чувствовала себя так, будто ее собственная кровь перестала циркулировать по жилам. Она упала на землю рядом с ним. Андрэ лежал неподвижно в желтоватом свете фонарей.

София огляделась вокруг, удивляясь, что не видит поблизости ни одного охранника. Она стала звать на помощь, и голос ее эхом раздавался по пустому двору. Женщина находилась на грани паники, когда пыталась поправить изорванное и окровавленное пальто Андрэ.

– Пожалуйста, – снова и снова повторяла она, не имея представления о том, о чем просит. – Пожалуйста. – Она прижалась к нему всем телом и приблизила свое лицо к его, будто таким образом могла снова вдохнуть в него жизнь. Это был Андрэ, ее друг, ее добродушный великан, который никогда не совершал ничего дурного и который был бесконечно предан Софии, намереваясь ограждать ее от всех бед, куда бы она ни направлялась.

Ограждать ее от бед.

Рациональная часть ее сознания уже преодолела невыносимое чувство утраты и стала анализировать. Андрэ разыскивал ее не для того, чтобы просить о помощи или сентиментально попрощаться. Это было совсем на него не похоже. Нет, он продержался так долго, невзирая на раны, потому что хотел найти Софию с одной-единственной целью – предупредить ее.

Глава 5

Время от времени София задавалась мыслью о том, как она поведет себя в критической ситуации. Ощутит ли она собственное бессилие? Она не смогла бы ответить на этот вопрос. На деле она не впала в истерику, не дала воли слезам. Все ее чувства будто замерли в душе, оказались забаррикадированными за холодным каменным фасадом. Будто ледяная стена внезапно отгородила ее от внешнего мира. Так и должно было быть. Если она позволит себе почувствовать хоть что-то, то непременно разлетится на кусочки, просто перестанет существовать.

Заслышав за своей спиной какой-то звук, женщина подпрыгнула от неожиданности:

– Фату, как ты меня напугала! Я же велела тебе возвращаться во дворец. – Но София была рада тому, что девочка рядом.

На лице Фату застыло выражение покорности. Очевидно, для нее происходящее не было ни новым, ни шокирующим.

– Мне очень жаль, *madame*, – сказала она. – Вы его знали?

– Он был моим водителем.

Андрэ был для нее гораздо большим – человеком, бесконечно преданным ей, хотя она и не была уверена, что заслуживает этого. София знала, что он эмигрировал в Голландию, не имея ни гроша за душой, вообще ничего, и теперь жил в квартирке на окраине района Статенквартир. Она никогда не была у него в гостях и теперь сожалела об этом. Но горевать над потерей друга она станет после, когда снова позволит себе чувствовать.

Она схватила Фату за руку и потянула ее в тень дворца. Снег продолжал опускаться, припорошивая недвижимое тело Андрэ.

– Нам нужно найти агента службы безопасности, – произнесла София, входя в здание. В холле они мгновение помедлили, прислушиваясь. Из бального зала доносились музыкальные трели. Первым побуждением женщины было броситься туда и поднять тревогу, рассказать, что кто-то убил ее водителя. Но какое-то чувство, подобное холодному дыханию в шею, заставляло ее колебаться.

София была уверена, что убийство Андрэ вовсе не является случайным. Она огляделась вокруг, но никого не увидела.

– Нам нельзя возвращаться в зал, – прошептала она. – Нам следует пойти в комнату охраны.

Во дворце повсюду были камеры слежения, но Андрэ они не спасли. София постучала в дверь, но ответа не последовало. Тогда она толкнула ее, ожидая, что будет заперто, но, к ее удивлению, дверь распахнулась.

София замерла на пороге. Где-то в районе живота возникло ощущение, которое она испытывала время от времени – трезвая уверенность в том, что случилось худшее. Именно это чувство она испытывала в данный момент. В комнате охраны было темно, лишь тускло мерцали экраны мониторов и прочего электронного оборудования. Тут она заметила лежащих троих мужчин. В первое мгновение можно было решить, что они пьяны и спят, но София ощутила в воздухе едва уловимый запах горького миндаля.

– Газ, – шепнула она Фату. – Оставайся на месте.

София задержала дыхание. Долгие годы занимаясь плаванием, она преуспела в этом искусстве. Мужчины были облачены в одежду сотрудников дипломатической службы охраны. Женщина подошла к одному из них, тому, что распростерся на полу, и дотронулась до его плеча. Тело его было невероятно напряженным и негнущимся. София старалась не смотреть ему в лицо – из носа все еще текла кровь, – когда искала крошечное сигнальное устройство на лацкане его пиджака. Найдя его, она нажала кнопку, молясь про себя, чтобы

прибор работал исправно и поднял тревогу охранной группы, работающей в бальном зале, а также антитеррористической бригады, находящейся в отдаленной штаб-квартире в Роттердаме. София представления не имела, сколько времени пройдет, прежде чем придет помощь.

Ряды тускло мерцающих мониторов не показывали ничего подозрительного. Прием продолжался как обычно. София заметила в бальном зале агента службы безопасности, одетого в черное. Было совсем не похоже, что он получил сигнала тревоги, хотя женщине показалось, что он быстро и эффективно перемещается к невидимой цели. Рука его покоилась на верхней пуговице пиджака, и он что-то говорил в микрофон.

Женщина выбежала из комнаты, не в силах более удерживать дыхание. Закрыв за собой дверь, она заметила Фату.

– Думаю, сработало, – сообщила она. – Они всех эвакуируют и... – Девочка смотрела не на нее, а на что-то, у нее за спиной.

– *Ne bougez pas*, – произнес низкий мужской голос с сильным акцентом, – *ou je tire*.

В продолжение двух ударов сердца София не осознавала смысла сказанных слов, затем что-то уперлось ей в шею. «Не двигайся, или я буду стрелять».

Второй мужчина, обладающий большим костлявым, типично голландским типом лица, возник за спиной Фату, и София поняла, что он с самого начала был здесь, притворялся агентом службы безопасности. Сейчас он прижимал пистолет снизу к челюсти девочки.

– Прошу вас, нет, она всего лишь ребенок. Не причиняйте ей вреда! – воскликнула София.

Третий мужчина, африканец, также облаченный в кос тюм агента службы безопасности, ногой толкнул дверь в комнату охраны и, быстро пройдя внутрь, распахнул окна. Значит, София была права насчет газа.

Происходящее казалось настолько сюрреалистичным, что ум ее отказывался испытывать чувство страха. Женщине с трудом верилось, что жизнь ее зависит от одного нажатия пальца на спусковой крючок пистолета. Она ничего не сказала, но сердце ее колотилось так громко, что злоумышленники наверняка это слышали. В голове Софии вертелись два имени – Макс и Дэзи, ее дети. Возможно, она никогда их больше не увидит. Она попыталась вспомнить, когда последний раз видела их, говорила с ними. Вчера она разговаривала по телефону с Максом. Звучали ли в ее голосе нежность, уважение, любовь? Или она стремилась поскорее дать отбой? Или была излишне требовательной? Дэзи всегда ее в этом упрекала. Или, лучше сказать, строгой? Да, пожалуй, она была чересчур строгой.

– *Merde!* – воскликнул один из мужчин, франкоафриканец, склонившийся над монитором, чтобы посмотреть, что происходит в главном зале. Агенты службы безопасности приняли меры. С оружием на изготовку они быстро и четко отдавали приказы и эвакуировали людей. – Кто-то подал сигнал тревоги. – Произнеся эти слова, он выпрямился с кошачьей грацией, развернулся и наотмашь ударил Софию по лицу.

С ней никогда прежде не обращались подобным образом, и в первое мгновение шок заглушил чувство боли. Потом женщина вспомнила, что испытала схожее ощущение, когда однажды ей по лицу ударили мячом во время матча по хоккею на траве. Перед глазами промелькнула ослепительная белая вспышка, затем все поплыло. София стала падать вперед, на мужчину с пистолетом. Она крепко зажмурилась, так как очень испугалась, что он запаникует и нажмет на спуск.

– Прекрати, – приказал другой человек. – Она нам может еще понадобиться, раз уже подняли тревогу.

«Зачем я могу им понадобиться?» – мысленно спрашивала себя София. Она почувствовала запах пота, исходящий от мужчины, который держал ее под прицелом. Шестое чувство подсказало женщине, что это проявление острого и горького страха, гораздо более опасного,

чем холодная решимость. Возможно, он станет следовать приказам, возможно – нет. В любой момент он может нажать на спуск, и ее не станет.

Это так просто.

София заставила себя сфокусировать внимание на мониторах. Агенты службы безопасности полностью взяли ситуацию под контроль. Облаченные в белое официанты лежали на полу, а почетных гостей спешно эвакуировали. «Слава богу, – подумала женщина, – слава...»

– Vite²³, – произнес франкоафриканец. – И девочку тоже захвати.

Софию силой потащили вниз по лестнице, затем по коридору в отсек для технического обслуживания. К ним спешила толпа агентов. При виде тускло мерцающих пистолетов София поморщилась. Злоумышленники выставили ее и Фату перед собой, как живые щиты.

– Бросайте оружие, или женщины умрут, – закричал франкоафриканец, пробираясь в бальный зал.

Четыре агента службы безопасности безропотно повиновались, пятый же неуверенно шагнул вперед. В то же мгновение раздался приглушенный звук выстрела, и Фату осела на пол. «Нет, – безмолвно молила София, – пожалуйста, – боже, она же всего лишь ребенок».

Раздался женский крик, и пятый агент бросил оружие и поднял руки вверх.

Большая часть гостей была уже эвакуирована в безопасное место, возможно благодаря поднятой Софией тревоге. Ни королевы, ни премьер-министра нигде не было видно. Оставшихся людей согнали в центр комнаты и заставили лечь на пол лицом вниз. Софии с трудом удалось подавить возглас негодования, когда взгляд ее встретился с черными, пылающими яростью глазами Тарика, распростертого на полу. Внутренний голос предостерегал женщину ни на ком не фокусироваться. Она увидела и репортера Брукса Фордама, который пристально взирал на нее, и стала мысленно заклинать его хранить молчание. В зале оставались и военный атташе, судорожно обнимающий свою семью; на его угловатом лице застыла гримаса холодной ярости и настороженности.

В помещении присутствовали и несколько детей. Они должны были быть эвакуированы в первую очередь, но четверо все же оказались лежащими на полу. Все они хранили пугающее молчание, даже самые маленькие не издавали ни звука. Но они жили в стране, долгое время пребывающей на военном положении. Очевидно, им и не такое приходилось переживать.

Франкоафриканец быстро взял ситуацию под контроль и стал раздавать приказы людям в одежде официантов. Они тут же вскочили на ноги, подобрали пистолеты агентов службы безопасности, затем перевернули вверх ногами столы со всей сервировкой. Из сервировочных тележек извлекли ружья, которые были спрятаны там под стопками льняных салфеток. София понимала, что, сколько бы ей еще ни оставалось жить, она навсегда запомнит зловещую, леденящую кровь тишину, в которой быстро расстреляли пятерых агентов службы безопасности. Террористы действовали четко и слаженно, не создавая хаоса, и это еще больше испугало Софию.

Впервые она посмотрела в лицо человеку, который удерживал ее. Он был уроженцем Африканского континента, и щеки его еще хранили мальчишескую округлость, а глаза лихо-радочно блестели, возможно от употребления наркотиков. Женщина надеялась лишь, что антитеррористическая группа уже мчится во дворец по улицам города.

София посмотрела на распростертую на полу Фату, недвижимую и истекающую кровью. Девочка тихонько застонала, моля о помощи. Женщина шагнула к ней, и тут же резкий окрик за спиной заставил ее замереть на месте.

Но лишь на мгновение.

²³ Скорее, быстрее (*фр.*).

– Это же абсурд, – сказала София. – Мы же находимся во Дворце мира. Нельзя оставлять детей умирать на полу. – Она опустилась на колени перед Фату. Рана ее кровоточила, но девочка была в сознании, она часто моргала и постанывала от боли.

– Остановитесь, – приказал франкоафриканец. – Не трогайте ее. Отойдите.

София не обратила на него ни малейшего внимания. Она вдруг осознала, что может с успехом игнорировать все что угодно, включая убийцу, даже если он держит ее под прицелом. Она сосредоточилась на девочке, прижимая к ее ране стопку льняных салфеток. Каким-то чудом выстрел в упор не убил ее. Возможно, именно таково было намерение террористов.

– Отойдите от нее немедленно, – взорвался мужчина.

София даже не взглянула на него. В нее будто вселилась некая неведомая сила. Не мужество и не чувство сострадания или гнева. Женщина была абсолютно убеждена, что не сумеет перенести еще одного убийства, даже если в нее станут стрелять.

Выстрела не последовало, но мальчишка-африканец оттащил ее от Фату. Террористы приказали всем оставаться на полу и принялись закрывать двери. «Мы заложники, – подумала София, – нас взяли в заложники». Крупный франкоафриканец и блондин, ранее разбивший шампанское, затеяли спор о том, как лучше поступить – остаться во дворце и вступить в переговоры или же отступить под прикрытием живого щита.

София прошла обязательную подготовку самообороны и инструктаж о том, как нужно вести себя в случае захвата заложников. Как и во всем касающемся ее работы, существовала определенная схема поведения, которую женщина никак не могла вспомнить. Что же нужно делать? Во-первых, оценить ситуацию. Ну, это совсем просто. Ситуация очень плоха, чертовски плоха. Во-вторых, изолировать злоумышленника. В-третьих... София забыла, что следует делать дальше.

В памяти ее всплыло утверждение о том, что, хотя в политической среде было очень популярно провозглашать, что никто не пойдет на сделку с террористами или экстремистами, в действительности неповиноваться было очень опасно. В случае с захватом заложников самое главное – выиграть время, а также посеять разногласие в стане противника. Последнее они превосходно делали и без постороннего вмешательства, и София восприняла возникшую перепалку как хороший знак. Она одна продолжала стоять, удерживаемая вселяющим ужас опасным мальчишкой. Кажется, Брукс Фордам вознамерился что-то сказать. Когда взгляды их встретились, София чуть заметно качнула головой, призывая его хранить молчание.

Один из мнимых официантов заметил, что репортер осматривает комнату, и тут же ударил его ногой по голове. Брукс не издал ни звука и замер. Тарик же обратился к террористам на арабском языке, но с ним обошлись точно так же, как и с Бруксом, – тяжелый ботинок с силой ударил его в прекрасное лицо. Завидев это, София испытала головокружение и тошноту.

Затем пришло ошеломляющее и всепоглощающее осознание тщетности приложенных усилий. Она и многие другие люди пожертвовали всем ради восстановления мира и справедливости, но на людей по-прежнему нападают и убивают. Во дворе лежит мертвый Андрэ. Глядя на Фату, София поняла, что зря тешила себя надеждой, что ей под силу изменить мир. Алчность и зло – неутомимые враги. Истина состояла в том, что ничто – ни самопожертвование, ни дипломатия – не может остановить убийства и избавить мир от террористов.

Женщина предположила, что франкоафриканец является пособником генерала Тими Абача, которому, так же как и торговцу бриллиантами Сержу Гендеру, удалось ускользнуть от санкций Международного суда. Возможно, средства массовой информации представят этих террористов как людей, необычайно преданных своему делу, но София понимала, что это не так. Их поступками руководили не высшие идеалы, не чувство справедливости и не

жажда мести, а лишь алчность. Да-да, не патриотизм и не вера, но жажда наживы. Решение суда и ввод войск ООН лишили их состояния, и они вознамерились вернуть его.

– Захватив в заложники детей, вы возбудите к себе ненависть всего мира. Разве этого вы добиваетесь? – сказала она. Челюсть ее болела от удара, поэтому слова давались с трудом. – Вы просто хотите вернуть то, что у вас отняли.

– Мы четко знаем, чего хотим, – заявил блондин-голландец, проверяя барабан пистолета, который он забрал у агента службы безопасности.

– Надеюсь, вы также четко понимаете, как этого добиться, – парировала София, не веря своим ушам. Неужели она в самом деле вступила в переговоры с террористами? – Вы не глупы, раз смогли осуществить подобную операцию. Но прямо сейчас вы еще можете уйти безнаказанными.

Мужчина воззрился на нее. В глазах его появился особый блеск, а губы искривились в ухмылке.

– Мадам Беллами, мы о вас наслышаны.

«Боже всемогущий, – поразила София, – они знают, кто я такая». Скорее всего, им известно и то, что она является членом команды обвинителей. Она побледнела, хотя старалась ничем не выдать своего испуга.

– Мы знаем вас так же хорошо, как вы – дело алмазной шахты Куумба, – добавил мужчина, – а также нам известно о замораживании банковских счетов в стране, не имеющей закона об экстрадиции.

Вдалеке послышалось завывание сирен, и София осознала, что террористы оказались в очень затруднительном положении. Если они останутся в зале, то последует противостояние с силовыми структурами, которое неизбежно закончится расстрелом заложников.

– Все это не будет иметь значения, – возразила женщина, – если вы и дальше решите остаться здесь.

Раздалась трель мобильного телефона, и террорист напрягся всем телом, напомнив Софии, что она все еще находится под прицелом, балансируя на грани жизни и смерти. Один из мужчин, одетый официантом, которого она уже видела прежде, – на его беджике значилось имя Карл, – бросился вперед и вытащил телефон из пиджака убитого агента. Покосившись на голландца, он нажал кнопку приема. София напрягла слух, но мужчина говорил по-голландски, к тому же довольно тихо.

– Вам ни к чему группа заложников, – обратилась она к удерживающему ее человеку. – В действительности вы еще можете скрыться, пока это возможно. Если останетесь во дворце и вступите в переговоры, требуя возвращения денег, то неминуемо проиграете. – Женщина переводила взгляд с одного террориста на другого. – Подобные действия всегда плохо заканчиваются.

Последующий обмен репликами произошел на диалекте умойя. София немного понимала этот язык, но сейчас смысл сказанного ускользал от нее. Франкоафриканец отдал приказ, и мнимые официанты поспешили к двери. Голландец же направился к лежащему на полу атташе и передал ему мобильный телефон. Удерживающий Софию юнец крепко взял ее за предплечье и потащил вперед.

Женщина стала сопротивляться и вырываться, но это ни к чему не привело.

– Madame, вы должны пойти с нами.

Посмотрев ему в лицо, она не увидела ни проблеска человечности, лишь холодную решимость. София вдруг осознала, что является идеальной заложницей – безоружной и беспомощной. К тому же в дипломатических кругах она была известна своим умением говорить на нескольких языках, что лишь увеличивало ее ценность в глазах террористов.

Женщина подумала о возможности развязать драку здесь и сейчас. Она знала, что атташе наблюдает за ней, готовясь к решительным действиям. Знала она также и то, что если он их предпримет, то будет неминуемо убит.

Мгновение спустя ее оцепеневшее тело затолкали в один из фургонов службы доставки. «Мне очень жаль», – мысленно обратилась София к своим детям. Ах, если бы только они могли ее слышать! Она находится в руках убийц. Она сама сделала все возможное, чтобы быть отделенной от Макса и Дэзи, но они переживут потерю. Она была не самой хорошей матерью в мире, но ее дети умны и несгибаемы – они приспособятся. Эти качества они унаследовали от нее.

Снег продолжал идти. Софию усадили на переднее сиденье фургона, поместив между голландцем и юношей-африканцем. Ноги женщины находились в очень неудобном положении по одну сторону от рычага переключения передач. Террористы не потрудились связать ее, справедливо полагая, что она не представляет для них угрозы.

Еще четверо мужчин забрались сзади в кузов фургона, непрестанно переругиваясь на голландском и французском. София поняла, что их план провалился оттого, что она подняла тревогу. Из разговоров террористов она заключила, что они намеревались забаррикадироваться в здании, требуя размораживания их банковских счетов и беспрепятственного транзита в Африку.

– Мы уезжаем ни с чем, *ни с чем*, – сетовал чей-то грубый голос.

– По крайней мере, ты еще живой, – рявкнул водитель, – а это уже кое-что.

– И у нас есть та, кто обеспечит сохранение нам жизни, – добавил кто-то еще.

К своему ужасу, София почувствовала прикосновение к своей шее. По телу ее забегали мурашки. Дернув плечами, она подалась вперед, и мужчины нервно рассмеялись. Она старалась не думать о том, на что они способны, но сознание все равно наводнило мысли о пытках, насилии и убийствах. Женщина потратила два года жизни на то, чтобы создать основанное на этом дело, но до нынешнего момента слова эти были всего лишь юридическими понятиями. Теперь же они обрели реальный смысл.

Голландец гнал машину по заснеженным улицам, едва вписываясь в повороты. Он явно был отлично знаком с городом и держал путь к порту. Фургон двигался по шоссе, пролегающему вдоль канала Верверсингс, соединяющегося с гаванью Воор, водным путем к Северному морю.

Мост возвышался впереди изогнутой дугой. Снег залеплял лобовое стекло, а шины проскальзывали на мокром дорожном покрытии. На мосту, освещенном янтарным светом фонарей и окрашивающем снег в золотистые тона, не было ни единой машины.

– Слышу стрекот вертолета, – сказал кто-то сзади. – Нас преследуют.

– Не о чем волноваться, – ответил голландец, увеличивая скорость до ста тридцати километров в час. – Я оставил четкие указания.

София осознала, в чем именно заключался обмен репликами террориста с атташе. Они пообещали убить заложницу, если их требования не будут выполнены. Также женщина поняла, что рано или поздно они все равно от нее избавятся. Так зачем доставлять им такое удовольствие? Она всю жизнь пыталась поступать правильно, но зачастую события принимали нежелательный оборот.

Руки ее, казалось, стали совершенно чужими, когда она с необычайной силой и быстротой навалилась на рулевое колесо и выкрутила его до упора в сторону.

Голландец, исторгая проклятия, попытался выровнять фургон, но было уже поздно. Мост был донельзя скользким, а ограждающие перила слишком низкими, поэтому автомобиль перелетел через них и плюхнулся в чернильно-черную воду канала.

Часть третья

Санта-Крус, Виргинские острова

День трех волхвов

День Трех Волхвов, или Богоявление, – это праздник, венчающий собой месяц торжеств на острове Санта-Крус, славящемся своим сахаром, патокой и ромом. Выпекаемый здесь свадебный фруктовый торт настолько сытный и обладает таким насыщенным вкусом, что его следует подавать нарезанным небольшими кусками в ознаменование радостного события.

Свадебный фруктовый торт

Поместить пять фунтов сухофруктов (смородина, изюм, финики, фиги, чернослив) в большую миску и, залив тремя стаканами крузанского рома, оставить размачиваться на два дня или неделю.

Для приготовления торта помимо размоченных фруктов потребуется:

2¹/₂ стакана муки

1¹/₂ чайной ложки разрыхлителя

1 фунт коричневого сахара

1 чайная ложка корицы

1 чайная ложка ванили

1 стакан патоки

1¹/₂ фунта масла комнатной температуры 6 яиц.

Приготовление

Взбить масло в большой миске, добавить сахар, корицу, ваниль и патоку. Яйца вводить в полученную смесь по одному. Затем всыпать муку и разрыхлитель, вымесить тесто.

Тесто перелить в две хорошо смазанные жиром формы для выпечки размером 9 на 13 дюймов. Выпекать в духовке при температуре 350°F приблизительно один час.

Глава 6

Санта-Крус, Виргинские острова

6 января – Богоявление

Макс Беллами терпеть не мог свадеб. В его семье бракосочетания случались регулярно, как сезонная эпидемия гриппа. Так как он был еще ребенком, ему нельзя было отклонить приглашение, хотя и очень хотелось.

Иногда его даже заставляли принимать участие в церемонии. Дважды, будучи совсем маленьким, он исполнял почетную роль мальчика, который подносит молодоженам подушечку с кольцами. В четыре года казалось, что это очень весело, пока Макс не осознал, что от него требуется нарядиться в костюм, который нельзя запачкать, и присутствовать на бесконечно долгой церемонии бракосочетания.

Сейчас ему было двенадцать, и на роль подносящего кольца он больше не годился, но родители придумали для него новую миссию. В прошлом году он был шафером на свадьбе своей кузины Оливии, которая вышла замуж за Коннора Дэвиса в лагере «Киога», что на озере Уиллоу. Именно тогда мальчик утвердился в мысли, что все бракосочетания похожи как две капли воды: тот же дискомфорт, который испытываешь в отутюженном костюме, накрахмаленной рубашке и тесных ботинках, та же скучная церемония и слащаво-приторные песни, лишь пары у алтаря разные.

Он считал, что церемонии бракосочетания слишком продолжительны и утомительны и на них все только и делают, что разглагольствуют о любви и обещаниях. Мальчик считал, что все это самая настоящая чушь.

Сегодня он испытывал дискомфорт совсем по другому поводу. Так как церемония проходила на пляже, все были одеты в легкие наряды и, по мнению Макса, напоминали толпу марионеток в ярких гавайских рубашках и шортах. Конечно, такая одежда для мальчика была предпочтительнее смокинга и узких парадных туфель, но это вовсе не означало, что он наслаждался происходящим.

Да и как это было возможно, когда женихом являлся его собственный отец?

В действительности Максу нравилась избранница отца Нина Романо, даже очень. Он не сомневался, что из нее выйдет прекрасная мачеха, и искренне желал, чтобы она вышла замуж за папу. Но мальчику совсем не хотелось присутствовать на бесконечной церемонии и выслушивать брачные обеты. Он не был готов услышать из уст отца слова «Предлагаю тебе руку и сердце», *кому бы* они ни были адресованы.

Подобные фразы всегда выводили его из себя. Он бы предпочел, чтобы отец с Ниной поженились втайне, не приглашая членов семей. Куда бы он ни посмотрел, повсюду на глаза попадались представители многочисленного клана Романо. У Нины было восемь братьев и сестер, у большинства из которых также имелись дети, и все они, наряду с родственниками со стороны Беллами, были в списке гостей, превращая церемонию в столпотворение.

К Максусю всю неделю подходили эти бодрые американцы итальянского происхождения, хлопали его по спине и вели себя так, словно он их лучший друг. Не все они были ему незнакомы. Двое из них, которые к концу дня станут его сводными двоюродными братом и сестрой, учились в той же средней школе Авалона, что и он. С Анжеликой Романо он посещал занятия по алгебре, а Рики Пасторини играл с ним в одной хоккейной команде. Мама Рики, Мария, приходящаяся Нине сестрой, поистине была мамой и всей команды. Хотя Макс и Рики были ровесниками, этот мальчик уже брился, и голос его начал ломаться. «Тоже мне, большое дело», – подумал Макс.

Мальчик изо всех сил старался не скрежетать зубами, когда заиграла очередная сентиментальная песня о двух сердцах, ставших единым целым, в то время как большинство

присутствующих на церемонии женщин разрыдались. «Если это безобразие не закончится в ближайшее время, я впаду в кому», – решил про себя Макс.

Он осмотрел присутствующих гостей, сидящих на белых складных стульях. Все они были обуты в шлепанцы, через которые просыпался белоснежный песок. Макс незаметно сунул руку в карман своих шорт и нащупал мобильный телефон. Бросив взгляд на монитор, он убедился, что мама так и не ответила на его сообщение с фотографией, которое он послал ей ранее. Мальчик постарался не обращать на это внимания, потому что его мама все равно повела бы себя так, будто все в порядке, даже если приходится сидеть на свадьбе собственного отца. Мальчик написал ей, что Санта-Крус великолепен.

Но про церемонию бракосочетания он не мог сказать того же. Казалось, что все, кроме него, искренне наслаждаются происходящим. Мальчик спрятал телефон и стал слушать очередную речь. Кажется, церемония подходит к концу. В один из моментов – на долю секунды в действительности – отец выглядел таким счастливым, что Макс заулыбался против воли.

Во время поцелуя жениха и невесты он смотрел в пол – хорошего понемножку, – а потом церемония наконец закончилась. Ансамбль играл вариацию песни Луи Армстронга «Прекрасный мир» в стиле регги, пока отец с Ниной шли между рядами стульев.

Все гости поднялись с мест и последовали за молодоженами в павильон, где находились столы с закусками и танцевальная площадка. Макс обнаружил, что идет в толпе Романо. У Нины очень большая семья, ничего не скажешь. Солнце начало садиться, заливая все вокруг ярким розоватым светом.

Зазвучал рингтон его мобильного телефона. Посмотрев на экран, Макс увидел незнакомый ему международный номер.

– Думаю, это мама звонит, – произнес он.

Сестра Нины Мария, которая была довольно властной особой, раздраженно фыркнула:

– Невероятно. Позвонить сегодня, в такой день!

Макс притворился, что ничего не слышал, и, открыв крышку телефона, нажал клавишу приема:

– Алло?

– Привет, Макс. – Это действительно была мама. Но голос ее звучал... не так, как обычно. Очень слабо. – Я понимаю, что сейчас, возможно, не самое подходящее время...

– Все в порядке. – Мальчик отошел в сторонку, под сень большого дерева, где было поспокойнее. – Рад, что ты позвонила, мам.

– В самом деле, Макс? – Она, казалось, очень устала, гораздо сильнее, чем обычно. Мальчик стал мысленно подсчитывать, который час сейчас в Голландии. Вероятно, далеко за полночь. – Я тоже очень рада, – сказала она.

Дэзи Беллами обожала свадьбы с тех самых пор, как маленькой девочкой несла букет на свадьбе своей тети Хелен. Она до сих пор помнила кружевное платье, которое было на ней в тот день, и цветы в волосах, и кожаные туфельки с ремешком-перемычкой, и ощущение того, что она принимает участие в важном мероприятии.

Девушка сидела на балконе своего номера в отеле, отдыхая от церемонии бракосочетания отца и глядя на возведенный на пляже павильон, в котором и проходило торжество. Закат раскрасил небосвод во все цвета радуги. Через несколько мгновений она возьмет фотоаппарат, чтобы сделать несколько свадебных фотографий.

Всю свою жизнь Дэзи фантазировала о том, каким будет ее собственное бракосочетание. Она спланировала все до мелочей и могла бы точно сказать, какими жемчужинками будет расшито ее платье. Мысленно она в деталях представляла каждое мгновение своего

особенного дня, начиная от доставки цветов – маргариток, каких же еще?²⁴ – и заканчивая шумными проводами молодоженов в медовый месяц в Париже.

Единственное, что она никак не могла себе вообразить, – это лицо своего будущего мужа.

В девятнадцать лет девушка по-прежнему грезилась о свадьбе, но теперь ситуация изменилась. Она считала, что мечте ее не суждено осуществиться. Если только не отыщется прекрасный принц, который в равной степени полюбит и ее, и Чарли.

Логан О’Доннел, отец ребенка, продолжал убеждать Дэзи, что он тот самый человек, но имелась одна проблема. В действительности он не являлся прекрасным принцем. Он был очень красив, что и вовлекло Дэзи в беду, но потом жестокая реальность стукнула ее по голове, как кирпичом, и она поняла, что требуется гораздо большее, чем привлекательная внешность, чтобы мужчину можно было считать принцем.

Подняв Чарли, она положила на плечо салфетку, чтобы малыш не запачкал ее, он имел обыкновение срыгивать после каждого кормления. Из-за сына она пропустила окончание церемонии. Он безукоризненно вел себя почти до самого конца, и, верная своему слову, данному отцу и Нине, что она не позволит ребенку испортить все своим плачем, Дэзи была вынуждена унести малыша, едва он начал хныкать.

Она принялась поглаживать Чарли по спине, расхаживая взад и вперед по балкону и укачивая младенца.

– Не нужен нам никакой принц, правда, малыш? – прошептала она ему на ушко. – Просто иногда хочется немного пофантазировать. Я давно собиралась поговорить с тобой вот о чем. Ты, конечно, очень мал, но, надеюсь, не станешь возражать против того, чтобы несколько часов в неделю оставаться с няней, пока я буду изучать искусство фотографирования в колледже.

Чарли поощрил ее отрыжкой.

Дэзи заулыбалась:

– Верно, я поступила. Мое портфолио одобрили, и занятия начинаются через несколько недель. Но я всякий раз буду чувствовать себя виноватой, оставляя тебя. Мама тоже частенько оставляла нас с Максом, когда мы были маленькими. Ей приходилось так поступать из-за своей работы. Интересно, испытывала ли она чувство вины?

– Эй, Дэзи! – прокричала ей снизу Сонет Романо. – Спускайся, сейчас станут резать торт!

– Скажи, чтобы без меня не начинали, – отозвалась девушка.

– Помощь не требуется?

– Нет, сама справлюсь.

Дочь Нины Сонет стала первой подружкой Дэзи в Авалоне, штат Нью-Йорк, куда ее семья переехала после развода родителей. Именно Сонет первой после Грега узнала о беременности Дэзи. Теперь девушки стали сводными сестрами, и Дэзи очень надеялась, что это никак не отразится на их дружбе.

– Ты слышишь? – обратилась Дэзи к сыну, опуская фотоаппарат в пеленальную сумку с подгузниками. – Торт! Обожаю торты. – Одно из преимуществ грудного кормления заключалось в том, что можно было есть все, что душе угодно, – торты, арахисовое масло, печенье и другие сладости, – и не набирать вес, потому что выработка молока требует огромного количества калорий.

Уложив ребенка в коляску, она направилась к двери. В отеле были просторные открытые коридоры и лестничные пролеты, по которым гулял легкий ветерок, приносящий с собой

²⁴ Имя героини переводится с английского языка как «маргаритка».

аромат экзотических цветов. Здесь, на Карибских островах, зима казалась чем-то нереальным.

Спустившись по лестнице, девушка направилась к стойке портье, но замерла на месте, заведя бегущего к ней брата.

Одного взгляда на его встревоженное лицо хватило, чтобы понять, что что-то случилось. Дэзи тут же решила, что, что бы это ни было, они не станут докучать папе. Ради всего святого, только не сегодня!

Часть четвертая

Три недели спустя

Решение

Каждый поступок, который вы совершаете на протяжении всей своей жизни, начиная с самого дня рождения, был совершен лишь потому, что вы чего-то хотели.

Эндрю Карнеги, спонсор-основатель Дворца мира

Глава 7

Гаага, Голландия

Три недели спустя

Ожидая Тарика перед Дворцом мира, София медленно поворачивалась по кругу, предвидя, что в любой момент ее может застать вспышка болезненных воспоминаний, которая поразит ее подобно молнии. Восстанавливаясь в клинике после произошедших событий, София наслушалась рассказов о том, что посттравматический синдром может проявиться в самый неожиданный момент. Но ничего не происходило, даже когда она подумала об Андрэ, который, спотыкаясь и истекая кровью, брел к ней по снегу. София ощутила, как ее переполняет горе, но ничего похожего на панику или помутнение рассудка она за собой не заметила. Небо, по которому проплывали низкие тучи, сохраняло привычную серую окраску. Неоготические стены дворца, на которых время и неблагоприятная экология оставили свой отпечаток, выглядели точно так же, как и всегда, красивыми и холодно-непроницаемыми.

За последние несколько недель она оказывалась здесь уже не в первый раз. Доктора привозили ее ко дворцу намеренно, так как хотели убедиться, что это место не вызовет у нее какой-либо отрицательной реакции. Но женщина не испытывала ничего, кроме привычного, до костей пронизывающего холода зимнего дня.

На мониторе ее персонального компьютера отображалось сообщение от Макса, которое он прислал ей раньше: «Сегодня папа повез нас кататься на лыжах на гору Сэддл. Как бы мне хотелось, чтобы ты была с нами. Целую». София бросила взгляд на часы, всегда настроенные на часовой пояс, в котором жили ее дети, и решила, что для звонка в Штаты еще слишком рано. Она позвонит детям после того, как состоится назначенная на сегодня встреча, для того чтобы поделиться планами.

Мгновение спустя к женщине присоединился Тарик. Полы его пальто от «Бербери» развевались по ветру, что придавало ему особый шарм. Как и София, Тарик постоянно находился под присмотром агентов службы безопасности, чье присутствие воспринималось как данность.

– Ты выглядишь на удивление спокойной, – заметил он.

Вместе они отправились на заседание палаты Верховного суда. Прищурившись, София воззрилась на Тарика:

– Почему ты сказал «на удивление спокойной»? Почему не просто «спокойной»?

– Никто не стал бы тебя винить, если бы ты заявила, что ноги твоей больше не будет в этом месте. После того, что тебе пришлось пережить...

– Клянусь тебе, что если еще хоть раз услышу эту фразу... А что насчет тебя? Ты тоже испытал весь этот кошмар.

Тарик лишь рукой махнул:

– В моей жизни случались вещи и пострашнее разбитого в кровь носа. Кроме того, я и в самом деле предпочитаю переживать критические моменты, будучи в бессознательном состоянии. – Они вошли в украшенный колоннами зал. Тарик притормозил и коснулся руки Софии. – Как бы мне хотелось, чтобы тебя пощадил так же, как меня.

Со времени инцидента минуло три недели. Да, именно под таким названием события, имевшие место на Богоявление, стали известны широкой общественности – инцидент. Ах, тот самый инцидент. Инцидент на Богоявление, как окрестили его иностранные издания. Газета «Лондон таймс» назвала случившееся резней на Богоявление. Но ни один термин не в состоянии был выразить весь тот ужас и беспомощность, которые овладели Софией вечером 6 января и ставшие впоследствии словом-заклинанием – инцидент.

В ту ночь ей удалось избежать смерти. Она вымокла до нитки, но ничего не почувствовала. Как позже сказали ей доктора, в притуплении чувствительности свою роль сыграла гипотермия. Тело онемело, чтобы защитить себя в неблагоприятных условиях. В некотором роде то же можно было сказать и о сознании Софии. Воспоминания ее о случившемся были фрагментарны. Иногда по ночам ей снились необычайно реалистичные кошмары, в которых она снова как наяву переживала падение фургона в воды канала. Когда он ударялся о поверхность воды, раздавался оглушительный грохот. София тогда прикусила язык, а голова ее от толчка откинулась назад. Раздавались почти животные крики и завывания. Вода поглотила сначала переднюю часть машины, потом заднюю, отчего женщина была вжата в сиденье – ее похитители не потрудились даже пристегнуть ее ремнем безопасности.

Как позднее выяснила следственная бригада, выбраться из фургона Софии удалось через разбитое окно, и царапины на ее руках и ногах служили тому подтверждением. Она выжила благодаря тому, что была искусной пловчихой и просто любимицей судьбы. Женщина отрывочно вспоминала свой путь на свободу – как она плыла в холодной как лед воде, направляясь к тусклым вспышкам света вверх, отчаянно работая руками и ногами, чтобы не попасть в воронку, созданную идущей на дно машиной. В рот и нос ей забивалась вода с примесью бензина, душившая ее, но все же ей удалось выплыть на поверхность и ухватиться за железное кольцо, вмонтированное в каменную стену канала.

Снова пробел в памяти. Каким-то образом София сумела выбраться на мостовую под завывание сирен и стрекотание лопастей вертолета, разрезающих воздух. Повсюду были кареты скорой помощи, но ее никто не замечал, будто она стала невидимой. Возможно, так на самом деле и случилось. София решила тогда, что умерла, раз никто не видит ее, бродящую среди машин службы безопасности и скорой помощи. Большим преимуществом работы в подобной организации является строжайший контроль за информацией. Очень мало людей знало, что Софию захватили в заложники, и еще меньше могли предположить, что ей удастся сбежать. И уж конечно никто и не подозревал, что именно по ее вине фургон упал с моста. Никто, кроме террористов, которых живыми извлекли из вод гавани. Они-то уж точно не станут распространяться на эту тему.

Во избежание репрессий имя Софии не упоминалось в прессе.

– Меня и пощадили, – отозвалась женщина, чувствуя в собственном голосе нотки гнева. – Я же все еще здесь, разве не так?

– Прости меня, – ответил Тарик. – В самом деле, Цветочек, я просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

Решительные действия, предпринятые Софией в фургоне, привели к счастливой развязке инцидента. Трое террористов утонули, трое других выжили и теперь находились в клинике под неусыпной охраной.

Глядя на Софию, люди дивились тому, что ей удалось выбраться невредимой. Она не проявляла никаких внешних признаков выпавших на ее долю испытаний, об этом говорили лишь царапины на ее теле.

Медики из больницы «Броново» предупредили ее о возможном посттравматическом стрессе, хотя результаты тестов обнадеживали – психика Софии не претерпела изменений. Женщина не считала себя пострадавшей от произошедшего. Пострадавшими были Андрэ, ее водитель, агенты службы безопасности, которых застрелили, и даже террористы в фургоне. Фату потеряла ребенка и перенесла три операции, а Брукс Фордам все еще находился в состоянии комы. София же, промокшая до нитки, еще легко отделалась. Она всегда была борцом. Вскоре она обнаружила, что не знает саму себя. Она была готова заставить всех вокруг поверить, что в ней ничего не изменилось, но не готова была никому открыть свои чувства. Женщина как будто плыла по течению. Окружающие не понимали ее.

Сразу после случившегося она позвонила своим детям на Санта-Крус и родителям в Сиэтл, опасаясь, что новости уже каким-то образом просочились в канадскую и американскую прессу. Как оказалось, опасения ее были напрасны. Семье она сообщила, что во Дворце мира случилась «внештатная ситуация», но с ней все хорошо и она вне опасности. Из инцидента не делали секрета, но София не хотела заставлять близких волноваться. Разговаривая с ними по телефону, она держала себя в руках и не плакала. Она как будто покинула свое тело и наблюдала за собой со стороны.

Как она сказала двум работавшим с ней психиатрам, «если бы я придавала случившемуся слишком большое значение, в моей жизни не осталось бы места для того, что действительно важно». Во время долгих часов интенсивной терапии женщина глубоко прочувствовала смысл этой фразы.

О произошедшем с ней она не говорила ни с медиками, ни с психологами, которые работали с ней впоследствии. Доктор Маартен попытался убедить ее, что детальный рассказ о случившемся поможет ей преодолеть терзающих ее демонов.

– Как вы не понимаете, – возражала София, – нет никаких демонов. Они сбежали прочь, когда мне удалось выжить.

– Вы уверены? – Доктор явно считал, что она либо лжет, либо обманывает саму себя.

– Разумеется, уверена. Я досконально изучила список посттравматических симптомов, который вы мне дали. У меня нет ни одного из них. И в будущем они вряд ли появятся.

София искоса посмотрела на Тарика. Оба они отлично понимали, что должно произойти сегодня во Дворце мира. Софии сделали предложение, о котором многие юристы могут лишь мечтать, и сегодня она должна дать ответ.

Женщина уже привыкла к постоянному присутствию телохранителей как необходимой меры предосторожности. Но ситуация казалась ей сюрреалистичной. Хочет ли она всю оставшуюся жизнь провести вот так, в окружении вооруженных незнакомцев, призванных обеспечить ее безопасность?

– Вперед, – чуть слышно произнес Тарик.

– Вперед, навстречу волшебнику, – ответила она.

Двойные двери главного офиса Верховного суда раскрылись, пропуская их внутрь. На мгновение София поддалась панике, но не из-за инцидента, а чего-то находящегося на гораздо более глубинном уровне. Господин Виллем Де Грот восседал за резным готическим столом, стоящим у витражных окон. Свет падал на него сзади, предавая ему внушительный, таинственный и устрашающий вид. Самый настоящий волшебник.

В действительности Де Грот очень походил на отца Софии, но, в отличие от грозного Рэгнара Линдстрема, совладельца конторы в Сиэтле, судья Де Грот держал в своем офисе множество семейных фотографий, на которых он был изображен со своими детьми и внуками в разные периоды их жизни. Среди толстых фолиантов по юриспруденции эти фотографии смотрелись довольно нелепо. В данный момент Де Грот вел себя очень по-деловому. Он хотел видеть Софию борющейся и побеждающей, хотел стать свидетелем ее величия так, как он сам его понимал.

София и Тарик замерли возле его стола. Секретари Де Грота незаметно сидели в стороне, беззвучно нажимая клавиши своих мобильных устройств.

– Спасибо за то, что навещали меня, – произнесла София, – и за то, что сделали мне такое щедрое предложение.

– Мы не привыкли разбрасываться предложениями, подобными этому, – ответил Виллем Де Грот. – Место в Постоянной палате третейского суда не является наградой за ваши действия. Это признание вашего потенциала как юриста. – Он сцепил пальцы рук. – Эта вакансия подвернулась очень удачно, и я счастлив предложить ее вам.

София воспринимала его слова с некоторой долей скепсиса, но тем не менее вежливо кивнула. Подобное предложение являлось высшим призом. Будучи юристом Постоянной палаты третейского суда, она может надеяться в будущем стать судьей Международного суда ООН, а это, как известно, венец карьеры в сфере международного права, сравнимый с золотой медалью на Олимпийских играх. София завоюет не только всеобщее признание, но и, возможно, место в истории и приобретет огромное международное влияние.

Женщине показалось, что она слышит победный гимн. Она достигла вершины своей карьеры, о которой раньше не могла даже мечтать. Получив место в Постоянной палате третейского суда, она сможет изменить мир, помочь целым народам. Ее политика и решения войдут в историю.

София ощущала присутствие Тарика рядом, который, казалось, даже стал выше ростом от гордости за нее. Они оба понимали, что повышение предназначено не для одной Софии, но и для всей ее команды, так как они работают в связке. Это назначение изменит жизни многих людей. Теперь Де Грот разговаривал с Тариком, объясняя ему его обязанности заместителя.

От радости София готова была воспарить в небеса, как искры костра. Но в следующий момент на нее обрушился холодный ушат воспоминаний. Ее взяли в заложники. Она видела, как убивают людей, стоящих всего лишь в нескольких дюймах от нее. Она видела, как девочка истекает кровью. Сама София стала причиной смерти нескольких человек.

Такова была реальность. Долгое время она работала с командой специалистов, чья задача заключалась в исцелении ее духа, хотя она клялась и божилась, что дух ее в исцелении не нуждается. Но врачи были непреклонны. Каждый день они внушали ей, что, хотя изменить произошедшее София не в силах, она может прожить свою жизнь, посвятив ее какой-то цели, не вопреки тому, что случилось, но в какой-то степени благодаря этому.

– Благодарю вас, – сказала она Де Гроту, – я очень польщена. – Сделав глубокий вдох и распрямив плечи, женщина в упор посмотрела на собеседника. – Но я не могу.

В тишине офиса слова ее прозвучали особенно оглушительно, эхом отражаясь от стен. *Я не могу.*

Отец давным-давно приказал дочери исключить эту фразу из ее личного словаря, оставив лишь антонимичное «Я могу».

«Я могу привлечь к ответственности погрязшего в коррупции диктатора (но только в случае, если для этого перееду жить за океан и стану работать по восемнадцать часов в сутки, забыв о собственных детях)».

«Я могу вырваться из лап террористов (но только в случае, если для этого совершу нечто, что будет преследовать меня потом до конца моих дней)».

«Я могу стать самым молодым юристом в истории Постоянной палаты третейского суда (но только в случае, если я сию секунду превращусь в робота)».

Ее родителям никогда не понять, что на любое «Я могу», провозглашающее ее непобедимость, всегда найдется невидимая, но очень весомая жертва.

София вела себя предельно спокойно и собранно.

– Я много думала об этом, – сказала она и повторила фразу об отказе: – Я отказываюсь от должности. – Стоящий рядом с ней Тарик резко вдохнул, но женщина намеренно не стала на него смотреть, зная, что он, напротив, взирает на нее с таким изумлением, будто у нее внезапно выросла вторая голова.

Прежняя София мертвой хваткой вцепилась бы в предоставленный ей шанс. Новая София, та, что сумела выжить, будучи захваченной в заложники, знала, что этот престижный и выпадающий единственный раз в жизни шанс не для нее.

София очень сильно изменилась после курса интенсивной терапии и бесед с психологами. Возможно, выпавшие на ее долю испытания для того и были ей посланы, чтобы она

смогла вернуться к обычной человеческой жизни. Инцидент и его негативные последствия показали женщине, что жизнь, проведенная вдали от семьи, лишена смысла.

Судья Де Грот был стар и невозмутим. В отличие от Тарика, он сохранил хладнокровие после того, как София объяснила ему причины отказа.

– Если вы откажетесь от этой возможности, она не станет ждать, когда вы одумаетесь. Я не могу придержать место за вами.

– Я понимаю это, ваша честь, – ответила женщина.

– Ваши дети – это дети, они никуда не денутся, а вот должность ускользнет от вас. Уверен, что семья одобрит ваше решение остаться здесь на службе мирового правосудия.

В самом деле? – засомневалась София. А давала ли она когда-либо своим близким право выбора?

– Уверена, что это так, но я возвращаюсь обратно в США, – заявила она. Вот так. Произнесенная вслух, эта фраза прозвучала просто и недвусмысленно. София обязана вернуться к своим детям.

Она бросила на Тарика взгляд украдкой. Вид у него был такой, будто он вот-вот взорвется. Но София решила не дать отговорить себя от решения, принятого в тот момент, когда фургон упал в воду. Она пообещала себе тогда, что если выживет, то вернется к Макс и Дэзи. То был очень напряженный момент. Команда психотерапевтов советовала ей сосредоточиться на том, что происходит в настоящем, чтобы избежать посттравматического синдрома. Работа специалистов состояла в том, чтобы помочь пациентке вернуться к привычной жизни, но этого не произошло.

София в упор воззрилась на человека, который на протяжении последних лет являлся ее наставником.

– Произошедшее во Дворце мира изменило мою систему ценностей, – пояснила она. – Я думала, что имею четкие целевые установки в жизни, но та ночь заставила меня их переосмыслить. – Взгляд ее переместился на фотографии детей и внуков Де Грота. – Стыдно признаться, но, лишь находясь на волосок от гибели, я осознала, что в моей жизни имеет первостепенное значение. И это, несмотря на все мое уважение, не выполнение некоей международной миссии. И не престиж. И даже не спасение людей от жестокости. Все вышеперечисленное всего лишь работа, где мне вполне могут найти замену. А вот в семье меня некем заменить. В последнее время я очень редко видела своих детей, и теперь мне многое придется наверстывать. Я намерена начать прямо сейчас.

Тарик осыпал Софию упреками.

– Ты совсем выжила из ума, – заявил он, наблюдая за тем, как она бежит по квартире, собирая вещи и упаковывая чемоданы. – Именно так, напрочь лишилась рассудка. Заклинаю тебя, София, не отказывайся от подобной возможности.

– Я передаю ее тебе. Это место предложат тебе, и ты проявишь себя с лучшей стороны.

– Но этот приз по праву принадлежит тебе, – не сдавался он. – А дети твои выросли и научились обходиться без мамы, которая ждала бы их дома целыми днями. – Тарик взмахнул рукой, пресекая возражения Софии, прежде чем она смогла открыть рот. – Я говорю об очевидных вещах, Цветочек. Макс почти взрослый, а у Дэзи уже собственный ребенок.

– Именно сейчас я нужна им более чем когда бы то ни было, – стояла на своем София. – Их взросление означает, что времени у меня остается все меньше. А ведь еще есть Чарли. Малыш, Тарик. Представления не имею, о чем я только думала, не поддерживая дочь в этот непростой период ее жизни.

– Ты же присутствовала на родах. С Дэзи все будет хорошо, я уверен. Она истинная дочь своей матери. Ты и сама была молодой матерью и прекрасно справилась.

Ничего подобного София не делала, но никто, кроме нее самой, об этом не знал. Она получила образование, потом стала строить карьеру, не осознавая, что такая жизнь очень поверхностна, не замечая богатого мира возможностей, скрывающегося в глубине, до тех пор, пока почти не лишилась всего.

Женщина наклеила ярлычок на пластиковую коробку. Ее личные вещи заняли на удивление мало места. Квартира, в которой она жила, была полностью меблирована, поэтому все имущество Софии составляли ее одежда, несколько книг да фотографии детей в рамках. Осматриваясь вокруг, она внезапно почувствовала, как уверенность покидает ее. Это был иной страх, нежели тот, что она испытала, оказавшись взятой в заложники. Что, если у нее ничего не получится? Что, если уже слишком поздно?

Сняв с полки снимок, женщина принялась вглядываться в лица детей.

– Когда мы с Грегом развелись, я умоляла Макса и Дэзи жить со мной, – сказала она. – Как жаль, что это не сработало.

– Они не стали даже пытаться, – напомнил Тарик.

София вспомнила две ужасные недели, когда ее дети жили вместе с ней в квартире многоэтажного дома, выходящего окнами на типично голландскую равнину. Дождь в ту пору лил не переставая, а солнце, казалось, навсегда исчезло с небосвода.

– Не вижу причин оттягивать неизбежное, – сказала она. – И также не желаю больше жертвовать ни секундой счастья своих детей ради карьеры. Тогда они предпочли жить с отцом, и я вполне их понимаю. Сам посудите: они выбирали между мной, стремящейся работать в суде в чужой стране, и Грегом, который изображал из себя Энди-из-Мейберри.

– Энди кого?

– Этот человек является признанной иконой телевизионного шоу, такой классический отец-одиночка, живущий в маленьком американском городке, в котором, кажется, навеки поселилась осень: листва осыпается с деревьев, но никогда не идет дождь. Он часто ходит с сыном на рыбалку и ведет приторно-идиллический образ жизни. Неудивительно, что Макс и Дэзи захотели остаться жить с отцом.

София тщательно и аккуратно сложила свитер.

– А чего хотела ты сама? – осторожно поинтересовался Тарик.

– Сразу после развода я пребывала в таком смятении, что сама не знала, чего хочу. Ты же помнишь, как мне было тогда плохо. Развод заставил меня поставить под сомнение всю мою жизнь, включая и материнские обязанности. Как тебе известно, у меня не было примера для подражания. Только сейчас я наконец осознала, чего хочу и к чему стремлюсь. Я решила подарить себе второй шанс и надеюсь, что использую его с большей пользой, чем первый.

Женщина сложила и запаковала еще три свитера. Там, куда она направляется, они ей понадобятся.

– Но почему Авалон? Почему этот глухой отдаленный городок?

– Потому что там живут мои дети. А еще мне нужно смириться с мыслью, что мой бывший муж счастлив со своей новой женой, которая является полной моей противоположностью.

Тарик пожал плечами:

– Да, это бывает.

– Ты очень меня поддержал.

– Тебе не требуется моя поддержка. Ты вознамерилась принести себя в жертву и заниматься самобичеванием до тех пор, пока не умрешь, истекая кровью. Между прочим, могу назвать тебе имена нескольких людей, которые с удовольствием заплатили бы, чтобы посмотреть на это зрелище.

– Какой же ты несносный! – Женщина закончила упаковывать одежду. – Тебе предложат работу твоей мечты, потому что я уезжаю, – увещевала она.

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась, – ответил Тарик, раскрывая объятия.

– Нет, ты вовсе не несносный, – заявила София, обнимая его. – Ты самый лучший. А еще ты единственный человек, по которому я буду очень скучать.

– Знаю.

Женщина прижалась щекой к мягкому кашемировому свитеру Тарика.

– Мне страшно, – прошептала она, представляя, что ждет ее в Авалоне – воспоминания о неудавшемся браке с Греггом и плохом выполнении материнских обязанностей.

– Я тебя не виню, Цветочек. – Он успокаивающе погладил ее по волосам. – Я бы тоже испытывал ужас перед маленьким американским городом с его клетчатými рубашками, грузовиками с открытым кузовом и огромными покрывками.

София отстранилась и мягко хлопнула Тарика по плечу:

– Ну перестань. Не все так плохо.

Про себя же она подумала, что ситуация, в которой она оказалась, далеко не радужная. Она долгое время жила только в крупных городах – Сиэтле, Бостоне, Токио, Нью-Йорке, Гааге – и представления не имела, как будет чувствовать себя в небольшом местечке вроде Авалона. Но она просто обязана воссоединиться со своей семьей. София чувствовала себя так, будто должна выполнить важную миссию, как в суде. Ей необходимо вернуть то, чем она пожертвовала ради карьеры, и найти новую цель в жизни.

– Я пока не говорила детям о своих планах. Лишь то, что со мной все в порядке и что я скоро буду дома. Они пока не знают, что я намерена остаться.

– Ты сошла с ума, точно тебе говорю. – Тарик решил поучаствовать в сборах и принялся складывать брюки Софии и укладывать их в огромную сумку от «Луи Витона».

– Если я сообщу детям о своем намерении остаться, они наверняка решат, что что-то случилось.

– И будут правы – их мать лишилась рассудка.

– Нет, послушай меня, я все решила. У моих друзей из Нью-Йорка – Уилсонов – есть летний домик на озере. Они пользуются им только летом, поэтому предложили мне пожить там зимой, так что без крыши над головой я не останусь.

– В Мейберри.

– В Авалоне. Впрочем, ты прав, разница невелика.

– И... что ты собираешься там делать? Ты хочешь воссоединиться с детьми, это я могу понять. Но как же работа?

София положила свои со вкусом подобранные драгоценности в маленький мешочек и спрятала его в боковой карман чемодана. При виде украшений ей вспомнился разговор с Бруксом Фордамом, когда она заявила, что отказывается иметь вещи, при создании которых применялся принудительный труд.

– Я не знаю, – ответила женщина. – Со мной такого прежде не случалось.

– Так зачем тебе сейчас все это понадобилось? – без тени иронии поинтересовался Тарик.

– Именно потому, что раньше не было, – пояснила она. – Я никогда не чувствовала своей принадлежности к какому-либо сообществу, и, думаю, сейчас самое подходящее время, чтобы начать. Видишь ли, в глубине работа-юриста, в которого я превратилась, все еще бьется человеческое сердце.

Они с Тариком переместились в крошечный отгороженный уголок гостиной, служивший Софии кабинетом. Здесь также не было ее личных вещей, за исключением портативного компьютера и пробковой доски, к которой были приколоты несколько снимков.

– Моя галерея злодеев, – пояснила София. – Теперь она достанется тебе.

На протяжении последних двух лет лица военных диктаторов вдохновляли ее на работу. Она хотела привлечь всех их к ответу в Международном суде. Люди, чьи фотогра-

фии красовались на ее доске, являли собой все худшее, что только может быть в человеке: они призывали детей на военную службу, насиловали их, превращали свободных граждан в рабов. София по очереди, будто исполняя некий ритуал, откалывала снимки с доски и вручала Тарику.

– Ну вот и все, – провозгласила женщина, упаковывая компьютер в чехол. – Тебя ждут великие дела.

– А вот ты убегаешь от этих великих дел.

Она отрицательно покачала головой:

– Я уже убежала от брака и семьи. Брак уже не спасти, а вот семья по-прежнему нуждается во мне.

По крайней мере, она очень на это надеялась. Дети, без сомнения, научились обходиться без нее. Возможно, истина состояла в том, что это *она* в них нуждалась.

– Никогда не видел тебя убегающей от чего-либо, – произнес Тарик. – Это так на тебя не похоже.

– О, напротив. Когда разговор заходит о моей работе, например случаях геноцида, ты абсолютно прав. Я веду дело, вцепляясь в него, как собака в кость. Так было со времен средней школы. Но в личной жизни я поступаю с точностью до наоборот, вот в чем беда. Но от себя не убежишь. Мне потребовалось двадцать лет и несколько часов, проведенных в обществе террористов, чтобы это понять.

Закончив упаковывать вещи, женщина сделала глубокий вдох и осмотрелась вокруг. Квартира выглядела такой же безликой и унифицированной, как гостиничный номер.

София уезжала, чтобы воссоединиться со своей семьей. Было настоящим безумием возвращаться в город, где родились и выросли многие поколения семейства Беллами и где сейчас ее бывший муж проживал со своей новой женой. Однако в Авалоне жили и ее дети, которым она намеревалась стать настоящей матерью. София всем сердцем надеялась, что еще не слишком поздно.

Часть пятая Февраль

*Тихо падает снег,
Как красиво кругом!
Белоснежным ковром
Зима укроет наш дом.
Элиза Кук, английская поэтесса*

Кексы для завтрака из пекарни «Скай-Ривер»

Ингредиенты:

- 1 ¹/₂ стакана муки
- ³/₄ стакана молотых семян льна
- ³/₄ стакана овсяных отрубей
- 1 ¹/₂ стакана коричневого сахара
- 2 чайные ложки пищевой соды
- 1 чайная ложка разрыхлителя
- 1 чайная ложка соли
- 1 столовая ложка порошка корицы
- ³/₄ стакана молока
- 2 яйца
- 1 чайная ложка ванили
- ¹/₂ стакана растительного масла
- 2 стакана тертой моркови
- 2 яблока, очищенные от кожуры и порезанные мелкими кусочками
- ¹/₂ стакана изюма или сушеной смородины 1 стакан дробленых грецких орехов.

Приготовление

Духовку разогреть до температуры 350°F. Смешать муку, льняное семя, отруби, коричневый сахар, соду, разрыхлитель, соль и корицу. В другой миске соединить молоко, яйца, ваниль и растительное масло, добавить смесь к сухим ингредиентам. Засыпать морковь, яблоки, изюм и орехи. Заполнить формочки для кексов на ²/₃ полученным тестом.

Выпекать в духовке 15–20 минут.

Глава 8

София проснулась в чужой постели в обнимку с теплым плюшевым медвежонком. Балансируя на границе сна и яви, она некоторое время лежала неподвижно, ожидая, пока рассеются ставшие привычными ночные кошмары. Она уже уяснила, что они всегда исчезают, но не сразу. София не могла не задаваться мыслью о том, перестанет ли она когда-нибудь видеть лица мертвых или снова и снова испытывать чувство отчаяния и паники, охватившее ее за несколько минут до захвата Дворца мира.

Однако нынешним утром болезненные воспоминания ее не беспокоили. Софии так нравилось просто лежать в постели, что она не спешила открывать глаза, крепче прижимая к себе медвежонка и стараясь растянуть удовольствие наслаждаться полнотой бытия.

В искусстве преодоления нарушения биоритмов в связи с перемещением через несколько часовых поясов женщине не было равных. Она совершила бесчисленное количество перелетов в Штаты и имела множество возможностей совершенствоваться. Она заставляла себя спать с настойчивостью мастера йоги. Но сон ее никогда не был мирным. Она привыкла считать, что чувство теплоты, уюта и покоя – это что-то непозволительное.

Постепенно к Софии возвращалось сознание. Она вспомнила, как приземлилась в аэропорту имени Джона Кеннеди, а потом поехала на машине в снегопад, и как будто из ниоткуда на дорогу выскочил олень, зачарованно глядящий на свет ее фар, и как отчаянно она вывернула руль, чтобы избежать столкновения. Удар все же последовал, а за ним мощнейшая встряска, и машина оказалась в кювете. А потом... кто-то приехал. София вспомнила, как смотрела на него через окно машины. Это был мужчина...

Встретившись с незнакомцем, она должна была взволноваться, особенно при сложившихся обстоятельствах, ведь она была одна, захваченная снежной бурей. Тем не менее ничего подобного женщина не чувствовала. Прежде всего она оценила внушительный рост и широкие плечи мужчины, но тут же заметила его добрые глаза и мальчишескую улыбку. Во время сеансов терапии они с доктором Маартеном не раз обсуждали присутствие у нее шестого чувства, помогающего отличить обычную предосторожность от беспокойства, вызванного посттравматическим синдромом. Когда она посмотрела на незнакомца, стоящего на заснеженной дороге, то сразу же прониклась к нему доверием.

Мужчина спас ее. Он каким-то образом исцелил сбитого оленя, а потом зашил ее рану на ноге. Этот человек был необычайно привлекателен какой-то странной красотой. Высокий и широкоплечий, он походил на великана-фермера, чем очень отличался от всех известных ей мужчин.

А теперь, покорившись усталости, вызванной сменой часовых поясов, переутомлением и травмой, она нежилась в удобной постели гостевой комнаты в его доме.

Плюшевый медвежонок зевнул и потянулся.

София вскрикнула и соскочила с кровати, прижимая одеяло к груди. Колено отозвалось болью, но она не обратила на это внимания, молча взирая на меховую форму на кровати.

– Боже мой, – прошептала она, поддаваясь панике. – Боже мой.

Обычно женщина не отличалась косноязычием, но сейчас все, на что она была способна, – это стоять и смотреть. Отдернув занавески и впустив в комнату тусклый свет зимнего дня, она уразумела, что к чему.

– Так это щенок. Я спала со щенком.

Песик воззрился на нее, ничуть не смущенный ее странным поведением. Он помахивал хвостом и несколько раз негромко тявкнул, чем очень напомнил Софии заводную игрушку.

Женщине никогда не приходилось иметь дела со щенками. Собаки у нее не было, потому что она растила детей на Манхэттене, который являлся совершенно неподходящим местом для домашних животных.

Щенок подошел к краю кровати и с опаской посмотрел на пол, затем – с тревогой – на Софию.

– Прыгай, – сказала она, – здесь невысоко.

Песик топтался на месте, затем снова гавкнул.

– Ты же как-то забрался на кровать, значит, сумеешь и спрыгнуть обратно.

Щенок протяжно завыл.

– О, – произнесла София, испытывая странный прилив жалости к животному.

Она протянула щенку руку, и он осторожно ее обнюхал, одобрительно лизнул розовым язычком и заскулил. София неловко сгребла песика в охапку, держа его на вытянутых руках. Он стал изгибаться, и женщина прижала его к груди, чтобы не уронить. Шерсть у щенка была желтовато-коричневой, как у цыпленка. От него приятно пахло молоком, и он энергично извивался, норовя лизнуть Софию в лицо, а потом прильнул к ее плечу, как новорожденный младенец.

– Итак, это щенок, – прошептала женщина, потершись губами о его бархатистое ушко. – И как же я все это время жила без щенка?

Как и все дети, Макс и Дэзи просили Софию завести собаку, с наивной непосредственностью поддерживая свою просьбу тем, что у всех их друзей есть четвероногие любимцы. Женщина же резонно возражала, что в других семьях наверняка есть специально нанятый работник для выгула собаки или мама не работает. София объяснила детям, что жестоко держать животное целый день взаперти, предлагая им лишь строго контролируемые походы в специально предназначенные для выгула собак парки, где, кстати, необходимо убирать экскременты за своим питомцем. Неужели Дэзи и Макс с радостью станут выгуливать щенка в любую погоду, даже в дождь, и убирать за ним? Эти аргументы свели на нет просьбы детей завести собаку.

– Макс и Дэзи, – вслух произнесла женщина, опуская щенка на пол и хватая свой мобильный телефон. Она уже начала набирать номер, когда взгляд ее упал на циферблат часов – 6:47 утра. Для звонков еще не время. Отложив трубку, София посмотрела на себя в зеркало за дверью.

– Мило, – пробормотала она. – Я – новое воплощение Бланш Дюбуа²⁵.

Такой эффект создавался благодаря ее ночной сорочке и ее взъерошенному виду, и немудрено, она только что встала с постели. После беспокойной ночи даже сорочка от «Диора» выглядела дешевой тряпкой. И весьма откровенной тряпкой. Обычно тщательно уложенные в салоне волосы Софии сейчас пребывали в полном беспорядке, а глаза все еще были замутнены сном. Что касается сорочки, то София питала тайную страсть к откровенным ночным одежкам и без зазрения совести потакала этому своему капризу.

Она покупала их не для того, чтобы произвести впечатление на мужчину. С Грегом она познакомилась, еще учась в колледже, а студенты, как правило, очень любят девушек с большой грудью, и не важно, во что они одеты – в старенькую футболку или в платье от-кутюр. Софии нравилось ощущать деликатное прикосновение шелка и кружева к своей коже. Ночные сорочки стали для нее последним бастионом женственности и молодости. Если она начнет покупать фланелевое белье в духе ее бабушки, то это будет равносильно поражению.

Софии совсем не улыбалось раньше времени записывать себя в старушки.

²⁵ Бланш Дюбуа – героиня пьесы Т. Уильямса «Трамвай «Желание» (1947), снискавшей триумфальный успех на сценах лучших театров мира и по праву являющейся классикой американского театра.

Но, святые небеса, как же холодно! Дом был старый, с высокими потолками и плетеными ковриками на деревянном полу. Дрожа всем телом, она оглядела старомодную спальню с выцветшим лоскутным одеялом на кровати, мраморным столиком для умывальных принадлежностей и хлопчатобумажными занавесками на окнах с рисунком из цветов и птиц. Вся обстановка комнаты указывала на то, что ею давно никто не пользовался, о чем свидетельствовал и едва уловимый запах кедра, исходивший от простыней.

София привезла с собой изысканный кашемировый халат, но он остался в другой сумке, запертой в багажнике взятой напрокат машины, вместе с тапочками. Критически осмотрев свои сапоги, женщина заметила, что на одном из них осталась запекшаяся кровь. Как могла, она оттерла ее влажной салфеткой и обулась. Ее сапоги на высоких каблуках в сочетании с откровенной ночной сорочкой придавали ей потрясающе разнузданный вид.

«Не хватает лишь кнута и наручников, – подумала она, – и вот вам готовая госпожа ваших эротических фантазий». На кресле-качалке София заметила вязаную шаль ручной работы и поспешно укуталась в нее.

Щенок твякнул и сделал лужу.

– Ох, ради всего святого! – София воззрилась на стремительно распространяющееся пятно на плетеном коврике у двери. Теперь она отчетливо вспомнила причину, по которой не любила собак. Она осторожно свернула испорченный коврик и, держа его на весу, стала спускаться вниз по лестнице вдоль стены, заклеенной выцветшими розовыми обоями. Песик преданно следовал за ней, как утенок за мамой-уткой, перескакивая со ступеньки на ступеньку и едва не свалившись у основания лестницы. Он не ушибся и продолжал внимательно смотреть на Софию. Несмотря на испорченный коврик, она не смогла сдержать улыбки. В действительности она сама виновата в случившемся. Этот песик еще совсем малыш, и моче-вой пузырь у него крошечный. Ей бы следовало вывести щенка на улицу, как только она проснулась.

София миновала гостиную с полами из твердых пород древесины, направляясь на кухню, откуда доносился упоительный аромат свежесваренного кофе.

К кухне примыкала кладовая, окна которой выходили на бескрайние заснеженные поля.

– Доброе утро, – произнес глубокий жизнерадостный голос.

Ной Шепард вошел в дом через заднюю дверь. Плечи его были засыпаны снегом.

София чуть не выронила коврик.

– Ох! Я... э-э-э... – Глядя на него, она лишилась дара речи.

Мужчина, облаченный в короткую двубортную куртку из плотной шерстяной ткани в клетку, выцветшие джинсы и теплые непромокаемые ботинки, показался ей персонажем книги о благородном лесорубе. Или переодетым принцем. «Я попала в сказку», – подумала София.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.